

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ВЕДЬМИЦА
ПОЛЯНА - 2

Василий Васильевич Головачев

Ведьмина поляна – 2

Серия «Абсолютное оружие

Василия Головачёва»

Серия «Ведьмина поляна», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69935644

Ведьмина поляна-2 / Василий Головачёв: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-195002-6

Аннотация

Максим Жаров остался жить в другой реальности, среди людей, которые предпочли технологиям слияние с природой. Но им грозит опасность: найдено страшное оружие предков. И даже если их атака будет отбита, мир всё равно рухнет: материки трескаются, смещаются и скоро утонут. Каким будет исход противостояния Руси с Еурофом? Случится ли обещанный конец света? Согласятся ли росичи переселиться в наш мир? Пока что ясно одно: формула «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет!» работает в любом мире.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	79
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Василий Головачёв

Ведьмина поляна-2

Иллюстрация на переплете – *Андрей Клепаков*

© Головачёв В.В., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Максим проснулся от того, что кот вскочил ему на грудь и лизнул в ухо. Обычно по утрам он терпеливо ждал пробуждения хозяина, привыкнув к его образу жизни, однако сегодня было не до пиетета: зверь проголодался. Максим вернулся поздно, на ночь ничего в блюдо на полу не положил, и Рыжий решил напомнить о себе.

Максим поднялся, прижал морду любимца к щеке, проворчал:

– Прости, забыл поухаживать, сейчас позавтракаешь. Кашу хочешь?

– Мона, – облизнулся кот.

Покосившись на соседнюю, оставшуюся неразобранной, кровать – Любава ещё позавчера уехала со своим отрядом быстрого реагирования на берег тепуя и не вернулась до сих пор, – Максим сбегал на первый этаж, помыл оба блюда в

кошачьем углу столовой, положил в одно гречневой каши, в другое налил молока и оставил оголодавшего зверя одного.

История с котом началась год назад в Жуковке, откуда он и забрал его домой в Брянск, дав ему имя Рыжий. Но сейчас Максим уже полгода жил в Хлумани, на берегу Роси Узорочьей, в доме старосты Гонты, женившись на его дочери Любаве, и кот остался с ним.

Вернувшись в спальню на втором этаже с кувшином молока, не коровьего, а китового (в жизни не поверил бы, что ему придётся пить молоко китоврасов, подводных жителей Великотопи), он прилёг снова, но не заснул, несмотря на ранний час: только-только развиднелось. Нахлынули воспоминания.

По образованию Максим (фамилия Жаров, рост метр восемьдесят пять, мастер спорта по настольному теннису, чемпион по метанию холодного оружия) был инженером и работал в Брянском приборостроительном институте. Однако после того, как он с компанией коллег по институту побывал в Сещинском лесу у Чёрного столба и посетил «параллельную» Россию под названием Рось Узорочья, его партикулярная жизнь закончилась. Он с другом детства Саней Зубриком (военком Брянского комиссариата) оказался в гуще событий, влившись в рать защитников Роси, и после войны Роси с Еуродом остался в деревушке под названием Хлумань, по сути являвшейся пограничной заставой, расположенной на берегу столовой горы Роси, которую её жители называли

тепуюем.

После того как Максим узнал, что Чёрный столб – камень странной формы, стоявший на «ведьминой поляне» Сещинского леса, – на самом деле является порталом в «перпендикулярный мир», образовавшимся двенадцать тысяч лет назад при атаке атлантов на Гиперборею с помощью геофизического оружия, попаданцу удалось поучаствовать в немалом ряде эпизодов борьбы Роси (остатков Гипербореи) с Еуродом (остатками Атлантиды). Он спас Любаву после нападения диверсантов конунга, главы Еуроода, сражался с ним в поединке, сплавал на подводной лодке Роси (здесь эти болотные субмарины назывались лопотопами), обнаружил Крепость Драконов далеко от тепуя Роси, которая являлась когда-то военной базой атлантов, а потом и повоевал с войсками вырожденков, жителей Еуроода, напавших на северный мыс страны росичей.

Так как «ведьмин портал», располагавшийся в лесу недалеко от Хлумани, по речам местных учёных мог закрыться вследствие деградации пространства временной складки, в какую и попали остатки континентов Атлантиды и Гипербореи, русские мужички, помогавшие отбить атаку вырожденков, убыли домой в Брянскую губернию. Вместе с ними покинул Рось и закадычный дружок Максима Сан Саныч. Конечно, он пообещал навещать его по мере возможности, но прошло уже полгода, а его всё не было.

В свою очередь и Максим не хотел рисковать походом за

Грань, как росичи называли границу между мирами, без Любавы. «Ведьмин портал» мог исчезнуть после перехода, и тогда молодой инженер потерял бы любимую навсегда.

Издали сквозь распахнутое окно, через которое в спальню вливалась живительная прохлада близкого леса, прилетел тихий визг-клёкот.

Максим повернул к окну голову.

Кричал клювар, местное тягловое животное, заменявшее росичам гужевой транспорт. Клювары были дальними родственниками птерозавров. Жуткие с виду, они имели внушительные зубастые пасти, крылья и копыта, но после приручения стали мирными и покладистыми, как обычные земные лошади. Максим давно научился ездить на них и относился спокойно, хотя и не любил это занятие.

Солнце уже встало над лесом на «востоке», и бывший инженер Брянского технологического института привычно сориентировался во времени: четверть седьмого. Обычно он вставал в семь, но сегодняшнее утро началось с мява кота, и лежать дольше не имело смысла.

Мысли свернули к местной природе.

Складка пространства, вместившая Рось после катастрофы распада континуума Земли, жила по своему времени, почти перпендикулярному земному. Войдя в Чёрный столб в Сещинском лесу, человек переставал жить по времени «родной» Вселенной и, прожив на территории Роси день, мог вернуться в лес буквально в ту же минуту. Местный учёный Хо-

рос, такой же попаданец, как сам Максим, разве что пересёкший Грань на тридцать лет раньше, утверждал, что складка изменится и скоро исчезнет из-за дробления мерностей. Он называл этот процесс эффузией и деградацией мира, являвшегося не трёхмерным евклидовым пространством, а континуумом с добавкой «доли» четвёртого измерения. По его словам, с этим континуумом пропадёт и Рось вместе с частями Земли, некогда занимаемыми Атлантидой, Гипербореей и участками других континентов, превратившимися в острова-тепуи на гигантском болоте, получившем название Великотопь.

Но если Еурод – тепуй Атлантиды – ступил на технологический путь развития, изобретая машины и технологии, то Рось избрала другой путь – биологического совершенствования, слияния с природой – и ни машинами, ни техническими изделиями не пользовалась. Время росичи не считали, а чувствовали, поэтому в их домах и не было часов. Научился определять время «на глазок» и гость из России, обладавший хорошим психофизическим запасом.

Вернулся кот, забрался на кровать и начал облизывать себя с лап до хвоста.

– Наелся? – спросил Максим.

– Немона, – отозвался мяут, как росичи называли животных. Его фразу вполне можно было интерпретировать как «немного».

Второе название этого рода охотников на мышей здесь но-

сило профессиональный отпечаток – миелов. Они действительно ловили мелких грызунов, селившихся в домах. А ещё Рыжий получил уважительное прозвище-звание «котодлак». Это означало, что он способен провожать людей за границу перехода между мирами и понимать человеческий язык. Мало того, котодлаков можно было научить говорить почти по-человечески, что иногда и демонстрировал Рыжий. Именно он помог Максиму со товарищи сначала пересечь Грань в Сещинском лесу, а потом вывести туристов с ведьминой поляны.

Почесав ему за ухом, Максим встал, поприседал, отжался сто раз, оделся в домашний холщоп (так здесь называли трико) и сбежал на первый этаж.

Хозяйка дома матери Зоана уже встала и хлопотала по дому, доставая необходимое из хозельца – пристройки с погребом для хранения овощей и фруктов.

Максим поцеловал её в щёку, поблагодарил за заботу, перекинулся парой слов с Матерью Рода, как её называли сельчане, и выбрался на крыльцо.

Хлумань казалась пустой. Во всяком случае, никто по её улицам праздно не шатался, а если кто и выходил, то ради выполнения повседневных работ. Пограничная застава размещалась на окраине городка, и оттуда доносились звуки мирной жизни, далеко разносившиеся по окрестным полям и лесам.

Староста Гонта отсутствовал третий день. Он поехал в

Микоростень на встречу с городским посадником. А его дочь Любава, жена Максима, убыла вместе с ним, однако направилась к берегу Роси, где стали строить порт для пограничных катамаранов. Поэтому предоставленный самому себе Максим отдыхал, собираясь через пару дней присоединиться к пограничникам.

Откуда-то вывернулся Малята, раздумявшийся от быстрой ходьбы. Одет он был по-военному: в колонтарь, сверкающий защитными бляхами, ферязь с туманными серо-жёлтыми разводами (местный камуфляж) и сапилы – местные сапожки из специально выделанной китоврасовой кожи с подмётками из сигоморы. Это дерево, слегка напоминавшее российский платан, использовалось росичами и в здравоохранении как утолитель боли и восстановитель тканей, а также в приготовлении напитков и в швейно-обувной промышленности.

Брату Любавы исполнилось двадцать лет.

Здесь уместно будет напомнить, что год Роси не соответствовал земному, потому что мир складки не являлся планетой, которая вращается вокруг своей оси, а местное светило вовсе не было звездой в современном научном понимании. Его роль играл четырёхмерный объект (по Хоросу), плавающий над Великотопью кругами и освещающий этот мир. А так как смены времён года, как на Земле, здесь не было, то и временные периоды отсчитывались по вёснам, а не по годам, и средний размер периода не был привязан к обороту плане-

ты. Здесь он колебался от девяти до четырнадцати месяцев. Короткие вёсны считались «зимними сменами», длинные – «летними». Максим попал в Рось во время «летнего», когда температура воздуха на всём плато-тепуге не падала ниже двадцати градусов даже по ночам. Хотя и днём было не жарко – всего лишь до двадцати восьми по Цельсию – по оценке самого Максима.

Малята направился прямо к нему, с удовольствием вдыхающему свежий утренний воздух, лишённый каких-либо вредных примесей.

Дружинником Хлумани он стал ещё в восемнадцать лет, а нынче и вовсе примкнул к пограничникам, хотя при этом учился в познаваре – колледже по-русски. Парень прекрасно владел мечом и ножом, поделив первое место с Максимом в чемпионате Роси по метанию холодного оружия. В силу юношеского максимализма он обвинил гостя из России в трусости, когда Любаву похищали диверсанты Еурода, однако позже, когда Максим с отрядом сотника Могуты спас сестру, переменил своё мнение о попаданце и стал ему кем-то вроде ординарца.

– Привет! – объявил молодой человек, высокий, выше Максима сантиметров на пять, широкоплечий, поджарый, с открытым лицом, на котором отражались все его эмоции, из-за чего он старался всегда держать на лице каменную маску, чтобы походить на отца. Получалось не всегда.

– Воевать собрался? – спросил Максим, оглядев молодца.

– Ты обещал, что мы с утра пойдём тренироваться, – ответил Малята, расплывшись в улыбке, хотя тут же изобразил мину «мужеской сдержанности».

Максим посмотрел на солнце – не слишком яркий жёлтый пузырь в мареве утреннего тумана, всплывший над близким лесом, – хотел сказать, что они договорились встретиться в десять часов (шесть годин, как тут называли этот временной отрезок), но передумал.

– Ты завтракал?

Малята кивнул.

– А я нет. Позавтракаю, отмечусь на заставе и начнём. Может, присоединишься?

Малята снова кивнул.

За полгода он хорошо овладел русским языком, не хуже, чем Максим – росичским, вмещавшим белорусские, древнерусские и украинские корни, поэтому они прекрасно понимали друг друга, нередко вставляя в речь те или иные народные словечки. К примеру, поприветствовал он старшего товарища словом «пагодня», что соответствовало русскому «привет».

Жил Малята не в отчем доме, а на заставе, там же и кормился, хотя в любой момент мог прибежать домой и съесть чего-нибудь вкусенького, что отсутствовало в заставном рационе. Он ещё рос и к тому же вёл активный образ жизни, поэтому мог питаться ежечасно. Однако старался подражать немногословному уравновешенному воеводе, не выда-

вая своих желаний, но и не отказываясь от приглашений.

Уселись в столовой воеводской домовины. Зоана и Верика, младшая сестра Маляты и Любавы, которой месяц назад исполнилось шестнадцать лет, расставили на столе блюда, и они чинно сели вместе трапезничать. В это утро завтрак состоял из ячменной каши на китовом молоке, тушёной баврики (мяса болотного краба) и травяного чая с хрустиками – жареным гороховым хлебом.

Росичи не сеяли пшеницы, потому что во времена Гипербореи её не существовало, а муку делали из разных круп: гречневой, ржаной, ячменной и из семян подсолнечника, но часто использовали для этого и горох, и бобы, и орехи. Максим больше всего любил лепёшки из смеси ржаной муки, отрубей и дроблёных лесных орехов, превосходивших по вкусу известный в России фундук.

Поблагодарив хозяек за угощение, мужчины отправились на полигон заставы, расположенный за городком на берегу тепуя.

Когда в первый раз Максим увидел перед собой горную стену, в которую упиралась лесная дорога, он не подозревал, что это такое на самом деле. Зато уже через несколько минут пережил нервное потрясение, когда отряд пограничников под предводительством Гонты на полном скаку врезался прямёхонько в скалу... и не разбился! За ним точно так же вонзилась в гору и колесница, на которой ехали Максим и Сан Саныч, и оказалось, что стена – иллюзия! На самом деле

Рось располагалась не в низине, окружённой горами, как казалось с первого взгляда, а на вершине столообразной горы – тепуя, а горы были всего лишь голографическим фантомом, порождённым пространством здешнего мира с количеством измерений, не равным трём.

Подбежали – неплохая разминка перед тренингом! – к полигону, размялись.

Полигон представлял собой выступ на плоской скале, нависающей над безбрежным болотом на высоте двухсот метров. Площадью он был примерно равен нормальному земному стадиону. В принципе это была своеобразная полоса препятствий, какие устраивались на военных базах, в том числе в России, хотя сами они отличались от знакомых Максиму сооружений такого рода. Все препятствия выглядели естественными природными образованиями, а поскольку дружинники и пограничники не были экипированы огнестрельным оружием, то и препятствий в виде противотанковых ежей, «драконьих ежей» и бетонных коробок на поле не было. Повсюду виднелись цепочки каменных глыб разного размера, траншеи глубиной до трёх метров, а также лежали громадные стволы деревьев, из водоёмов торчала щетина острых кольев, а тир представлял собой ров с рядом деревянных столбов и щитов, на которых вешали целики.

Пограничники тренировались здесь каждый день, и целики менялись. В данный момент лишь три столба со щитами имели чистые прямоугольники из берёсты с нарисованными

на них змеями, крабами с хвостами скорпионов и крупными насекомыми, похожими на муравьёв. Муравьи были не простые, размером чуть ли не с человеческую ладонь, из них формировались хищные медворы – текучие «медведи» Роси.

Полюбовались серо-сине-жёлто-зелёным океаном Великотопи, уходящим до туманной полосы горизонта, вовсе не округлого, как на Земле из-за её сферичности, и спустились в ров.

Малята снял заплечный несун, как здесь называли рюкзаки, достал ножи, серповидные кидалки – местные бумеранги, и трёхлучевые остряки – аналоги японских сюрикэнов.

– С чего начнём?

– Разомни кисти. Потом возьмём камешки.

Малята вскинул брови.

– Камешки?!

– Неохота менять щиты после бросков. Тут их всего три чистых.

– Я сбегаяю.

– Подожди, к нам гости.

Над обрывом появилась голова мужчины с шапкой соломенных волос.

– Петро, – сказал Малята, – обрадо зреть.

Это был служитель полигона, меняющий повреждённые препятствия и убирающий мусор.

– Добробудь, – пробурчал он. – Рано вы.

– Принесёшь пару чистых целиков?

– Куды ж я денусь? – Голова исчезла.

– Камешки отменяются? – спросил Малята.

– Нет. – Максим нашёл глазами водную полосу посреди рва. – Ищи плоские гольши.

Малята пожал плечами, но повиновался.

Когда Петро, худой, мосластый, припадающий на ногу, принёс ещё два щита, молодой пограничник уже набрал целый несун плоских окатышей, скруглённых временем и непогодой.

– Дале что?

– Помоги установить.

Максим отмерил двадцать шагов по левую сторону бассейна, велел высыпать камни в десяти шагах по правую сторону. Потом они воткнули в каменистое дно рва заострённые шесты, повесили щиты с приколотыми к ним «крабами» и вернулись к горке камешков.

Петро не ушёл, с любопытством наблюдая за действиями утренних гостей.

– Смотри, что нужно делать, – сказал Максим.

Взял в руки гладкий кругляш размером с копытце козла, встал в полуприсед, успокоил дыхание и метнул камень так, чтобы тот отприкошетировал от воды и попал в щит.

Кругляш скользнул по воде, но попал в самый нижний обреза щита.

Петро покачал головой. Малята фыркнул.

Максим не смутился, подобрал второй кругляш.

– Пристрелка.

Второй камень тоже не попал в «краба», хотя после отскока лёг уже гораздо ближе. Зато третий и четвёртый легли точно в цель.

Петро заплодировал.

– Околеть не родить! Хутче тогось бросае не зазря!

– Теперь ты, – сказал Максим.

Малята встал ровно, прицелился, размахнулся, бросил.

Плоский коричневый блинчик дважды чиркнул по воде и унёсся под щит.

Пограничник смутился.

– Не рассчитал...

– Чуть присядь сначала, покачай равновесие, отцентрируй плечо, потом бросай.

Малята метнул камень, попал в шест, сжал зубы. Начал долго готовиться, снова промахнулся.

Максим показал ему стойку, приподнял локоть.

– Без эмоций, спокойно!

Малята кинул, попал в щит. Но лишь на десятом броске у него стало получаться.

Они раскидали запас кругляшей, и Максим похлопал парня по плечу.

– Молодец, быстро учишься.

– А зачем это, Макс?

– Пригодится на болоте. Выродки не оставят попыток напасть снова, а с берега можно будет кидать дроты с отскоком,

когда цель будет прикрыта с фронта.

– Ага, понял.

Вернулись к рубежу для метания. Сначала позанимались стандартными приёмами с ножами с разных дистанций, разбили один из щитов в щепу. Потом перешли на экзотику. Малята старался и практически выполнял всё, что демонстрировал Максим. Как-никак на прошлом чемпионате Роси он занял первое место наряду с Максимом.

Петро наблюдал, орал приветствия в восторге от удач парня, но особенно его порадовал приём гостя из России: Максим подбросил вверх камень и сбил его с расстояния шагов двадцати пяти броском «сюрикэна».

– Околеть не родить! – вскричал Петро, махая руками, как крыльями. – Вот это фортель! Сроду такого не видал! А ты, малый, сможешь?

Малята покосился на Максима. Тот засмеялся, подал ему рюкзак.

– Сможет, только потренироваться придётся. Собирай ножи.

Малята с облегчением выдохнул, поспешил к разбитым щитам.

Надо рвом пролетел ворон, сделал круг, нырнул вниз, сел Максиму на подставленный локоть. Это был его личный связник, которого он приручил за время пребывания в Хлумани. В отличие от жителей Еурода росичи не пользовались рациями или телефонами, и роль почтовых дронов у них ис-

полняли вороны (враны – на местном наречии). Они же служили и разведчиками, и наблюдателями, и доставщиками сообщений. Мало того, Максим научился поддерживать связь со своим летуном по имени Герасим на больших расстояниях и мог видеть пейзажи глазами ворона.

– Говори, – сказал он, погладив крупную – с человеческую голову – птицу.

– Грре-комрра-дозта, – раскатисто прощёлкал Герасим внушительным клювом.

Это означало, что какой-то командир (комрра) приказал (грре) идти на заставу (дозта).

– Тревога? – уточнил Максим.

– Госторр-кл-кл-вашно-рриказа, – ответила птица.

– Иду, – кивнул бывший инженер, переведя птичью речь как «прибыли важные гости, приказано явиться».

Подкинутый в воздух ворон взмахнул блестящими чёрными крыльями и умчался.

– Интересно, – проговорил Малята, – кто к нам мог приехать?

– Узнаем.

Помахав руками Петру, начавшему возиться со щитами, пограничники вернулись в Хлумань.

Глава 2

Причина посылки ворона стала известна, как только пограничники увидели на территории заставы группу обслуживающего персонала и прогуливающегося с каким-то незнакомцем Гонтю. Незнакомец был высок, хотя и узкоплеч, и носил воинскую форму: колонтарь, ферязь, штаны свободного кроя синего цвета (местные джинсы) и сапоги из кожи китобьяка. Он был молод, примерно одного возраста с Максимом, вооружён мечом – из-за плеча высывалась его рукоять, – а сбоку на поясе висели ножны, из которых торчала узорчатая рукоятка сканфа. На предплечье молодого человека виднелся овальный шеврон: чёрная летучая мышь, пронзённая лезвием меча. Максим знал, что это знак княжеской боевой сотни, как бы сказали дома – федеральной службы охраны.

Пока подходили, он успел рассмотреть лицо незнакомца, и оно ему не понравилось, несмотря на ощутимый отпечаток силы. Узкое, с крючковатым носом, гладко выбритое, с чёрными бровями вразлёт и узким, хотя и высоким лбом, над которым свешивался своеобразный «оселедец» – язык белых (именно белых, а не седых) волос. Губы у него были тонкие, прямые, властные, и чёрные запавшие глаза со стальным блеском смотрели практически не мигая. Это было лицо человека, побывавшего во многих переделках и привыкшего командовать.

Пары сошлись.

– Знакомьтесь, – сказал воевода спутнику. – Макс, вагольный порученец, пришед зза Грани. Малята, первоносец.

– Твой сын, – неожиданно высоким голосом, почти фальцетом, проговорил незнакомец.

Гонта кивнул.

– Парни, это Гвидо Орловец, спецхран князя.

Максим простодушно протянул руку, однако Орловец свою не подал.

– Наслыхо, – сказал он, ощупывая лицо Максима вспыхивающими жёлтым проблеском глазами.

Максим сжал зубы, отступил.

Гонта заметил его мину, качнул головой.

– Пришла увага от оборонного заступника. Необходимо послать разведку в глыбь Великотопи. Образуется сотня. Гвидо будет её возглавлять. Ты пойдёшь тоже.

– А я?! – вырвалось у Маляты.

Отец посмотрел на его вспыхнувшее лицо, пожевал губами.

– Посмотрим.

– Кто войдёт в сотню? – поинтересовался Максим, подумав о Любаве.

Гонта его понял.

– Почти весь отряд Любавы. – Пауза. – И она тоже. Плюс Могута с лучшими своими бойцами.

– Когда отходим?

– Сёдня уввечери, – ответил Орловец. – Готовинца.

– Мы готовы! – быстро сказал Малята.

Гонта сдвинул брови, но возражать не стал.

– Пошли на собор.

Орловец повернулся и быстрым шагом направился к одноэтажному строению в виде шатра, где располагался штаб заставы. Гонте пришлось его догонять.

Переглянувшиеся пограничники двинулись следом.

Максим заметил, как идёт сотник – гибко, раскованно, упруго, с грацией пантеры, и невольно позавидовал бывшему телохрану князя. Впечатление тот создавал весьма неоднозначное, воинственное и сверхсамоуверенное, хотя и не без штрихов самолюбования.

В помещении, предназначенном для обучения дружинников и пограничников разным теоретическим разделам пограничной службы, собралось около полусотни человек. Ни Любавы, ни Могуты среди них не было, но Малята сбегал к отцу, поговорил минуту и вернулся к Максиму сообщить, что сестра и сотник присоединятся к ним на берегу под Хлуманью, где достраивался небольшой порт для росичского флота.

Начал собрание воевода, потом говорил Орловец, высокий голос которого буквально ввинчивался в уши, что опять-таки не понравилось Максиму. Он чувствовал, что с этим командиром у него будут проблемы, хотя причин вроде бы не было.

Ничего особенного с невысокого подиума не прозвучало.

Руководители обрисовали положение Роси, Орловец огласил данные разведки, по которым выходило, что конунг, Великий Император Еурода, вскоре намеревается повторить нападение на страну с использованием каких-то жутких машин для массового убийства. Что это за машины, он уточнять не стал.

Разошлись по домам, чтобы собраться к походу.

Так как никаких личных вещей у Максима не было, то и сборы бывшего инженера Брянского технологического института не заняли много времени. Из бытовых принадлежностей он имел только часы (больше всех ими восторгалась Верика), пару трусов и бритвенный прибор. Остальное – одежду, бельё, бритвы, флаконы, платочки, ложки-вилки – он использовал местного производства. Рубашки-вязанки носил в качестве повседневных нарядов вместе с «джинсами» да кафтанами по вечерам, а обувь ему нашла Любава – мягкие и удобные ичиги со змеиным узором. Впоследствии оказалось, что они и в самом деле сшиты из змеиной кожи и подбиты изнутри местной «фланелью» из пуха клюваров.

Попрощавшись с матерью Зоаной и Верикой, а также пообещав коту, который провожал его до крыльца с неммым вопросом в огромных глазах, что скоро вернётся, Максим дождался Маляту, и они вдвоём поспешили на заставу. Брат Любавы был одет в такой же милитари-костюм, но в отличие от Максима нёс меч за спиной и выглядел внушительно. Бы-

ло видно, что он чувствует себя воином, защитником Отечества, не боящимся никаких врагов. Максим хотел было пошутить: «Тебя даже хладун испугается!» – но передумал. Малята был обидчив и мог затаить обиду надолго.

Максим же вспомнил о хладунах, услышав с окраины Хлумани звук, похожий на смачный плевок. Точно с таким же звуком эти жуткие твари величиной с носорога средней комплекции, помесь кенгуру и жабы с огромным зобом, выстреливали струю мгновенно испаряющейся жидкости, из-за чего зверей и прозвали хладунами. Учёные Роси, изучавшие сей феномен, выяснили, что хладунов вырастили атланты в качестве живого оружия, а впоследствии их приспособили для своих нужд и выродки, жители Еурода. Воинство конунга даже соорудило гигантские болотоплавы, названные хладоносцами, на борту которых размещались до полусотни хладунов.

Во время похода к Еуроду ради спасения Любавы Максиму с росичами удалось захватить одну тварь, а чуть позже, когда они случайно наткнулись на Клык Дракона – военную базу атлантов, сохранившуюся после Великого Сброса Атлантиды в складку иного времени, – на этой базе нашлись ещё хладуны, находившиеся в анабиозе, и трёх «метателей холода» росичи забрали с собой. Теперь одним из них занимались специалисты в центре Хороса под Микоростенем, а остальные два жили на хлуманской заставе. Одним лично управлял Максим, сумевший первым перепрограммиро-

вать хладуна и подчинить своей воле, вторым же командовала Любава, и он в данный момент находился у подножия тепуя вместе со своей хозяйкой.

Собрались на центральной площади заставы, напротив колонны Славоспаса, копирующей столичный Монумент Славы Руси: венок из листьев золотого дубоноса, из которого вырастала в небо на два десятка метров отблёскивающая металлом (но не металлическая) рука, держащая меч остриём в небо.

Гонта обошёл строй, вглядываясь в лица бойцов, по большей части среднего возраста, лет тридцати пяти, произнёс краткую речь, сводившуюся к соблюдению не просто дисциплины, но чести.

– Против нас собирается несметная тьма вырождков, – сказал он, хмурия густые брови, – для которых не существует ничего святого, никакой морали и правды. Они не только убивают невинных, но и страшно мучают их перед тем, как убить! Однако помните: мы – не они! Отвечать тем же – становиться такими же зверями! Помните об этом.

Обошёл строй и Орловец. Остановился перед Максимом.

– Почему без оружия?

Максим положил руку на рукоять ножа.

– Вот...

– Я имею в виду меч.

– Он же мастер ножеброса... – заикнулся Малята.

Сотник не обратил на него внимания.

– Мне нужен боец, а не ножеброс.

Максим поймал заинтересованный взгляд Гонты, подумал озабоченно: «Испытать решили? Ладно, поиграем». Заметив в руке воеводы свёрнутый лист (роль бумаги здесь играл пергамент – выделанная и специально обработанная до толщины в один миллиметр кора местных сикомор), он вышел из строя, протянул руку.

– Разрешите, воевода?

Гонта хмыкнул, помедлил, но отдал.

Максим развернул шуршащий желтоватый лист (формата А4, как оценили бы его размер на Родине), вошёл в состояние боевого транса, подкинул лист на уровень груди и, выхватив нож, вырезал в листе круг диаметром в десять сантиметров. Всё это – хват ножа, удар, круговой поворот – за секунду! Лист успел опуститься лишь на несколько миллиметров, после чего Максим подхватил его левой рукой, а правой проткнул остриём ножа кувыркнувшийся кружок пергамента. Снял его с ножа, протянул сотнику.

Послышался общий выдох полусотни бойцов. Затем тишина взорвалась смешками, шепотками и восхищёнными возгласами. Бойцы оценили искусство мастера ножей.

Малята восторженно сжал плечо Максима.

Гонта усмехнулся, отбирая лист и кружок.

Гвидо качнул головой, искривив губы.

– Цирк!

– Могу продемонстрировать брос.

– Продемонстрируй.

Гонта нахмурился.

– Не надо, сотник, я видел, как он бросает, тебе такое не снилось.

Гвидо Орловец свёл брови, разглядывая нарочито бесстрастное лицо гостя из России сверкнувшими глазами, бросил:

– Становись в строй! – Оглядел строй. – Есть вопросы?

Шум на площади стих.

– Колонной по двое – шагом марш!

Сотник повёл отряд через лес и виртуальную горную стену к обрыву, где располагался пограничный пункт и механизм спуска на берег. Высота тепуя Роси достигала двухсот метров по всему периметру плоскогорья. Для лазутчиков конунга подъём являлся серьёзным испытанием, но и для жителей страны отвесные стены тепуя представляли собой почти непреодолимое препятствие для спуска. Поэтому они и создали упадолы – своеобразные лифтовые платформы, способные поднимать и опускать сразу до двадцати человек.

Малята улучил момент, когда они заняли места на платформе, и шепнул Максиму на ухо:

– Он тебе не простит!

– Да ладно, – философски отмахнулся Максим. – Я никого не хотел обидеть.

Пока платформа двигалась вниз, они ещё раз с невольным восторгом полюбовались раскрывшейся панорамой громад-

ного болота.

Великотопь представляла собой серо-жёлто-синее кочковатое пространство, уходящее к размытому полосой белого тумана горизонту, усеянное колодцами чистой воды и редкими купами кустарника. В болоте то и дело возникали движущиеся струи, всплывали пузыри газа, возникало быстро заканчивающееся течение, оно дышало, пенилось, шевелилось и сопело как единый живой организм, вызывая невольную дрожь в коленях.

Когда платформа снизилась, показалась узкая полоса песка и гальки, по которой из выровненных деревянных колод была проложена дорожка. Вблизи этого настила открытой воды было больше, её постоянно чистили, чтобы с берега можно было просматривать глубины болота. Воду прорезали серые короба, представлявшие собой водоросли, используемые в качестве инфразвуковых антенн для отпугивания наиболее опасных болотных обитателей, которых было много.

Стал виден и построенный причал слева от спускового комплекса. У него стояли два катамарана, двухпалубный красавец тримаран и с десяток карбасов разного дедвейта.

Бойцов сотни уже ждали с десятков пограничников в специальных костюмах. Сотник Могута находился там же, и Любава о чём-то разговаривала с ним. Сердце Максима забилось сильнее, успев соскучиться по любимой, и он жаждал заключить её в объятия. Однако она, шагнув к нему, увидела сотника Гвидо и остановилась, сразу став чужой и недо-

ступной. Длилось это всего краткий миг, но Максиму показалось, что прошла вечность. Он увидел перегляд обоих, узкие губы Гвидо стали ещё тоньше, но Любава опомнилась и обняла мужа со словами:

– Ох, как хорошо, что ты здесь!

– Ты о чём? – не понял Максим.

– Потом поговорим. – Любава нервно отошла к группе девушек в воинской форме.

Могута подошёл к Максиму, облапил молодого парня по-медвежьи.

– Обрадо зреть! Осьмо погребём у топь?

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал Максим.

Гвидо, окружённый пограничниками, посмотрел на Любаву, потом косо на Максима, двинулся к порту. Прибывшие сверху направились за ним. Зашагал вслед и задумчивый Максим, у которого не выходил из головы странный поединок глазами Любавы и сотника. Догнав Маляту, он спросил, понизив голос:

– Откуда Любава знает этого... орла?

Малята сморщился.

– Она тебе не говорила?

– Нет. О чём?

– Орловец – сын управителя Микоростеня.

– Ну и что?

– Они... э-э... дружили.

– Ах, вон оно что! – пробормотал обескураженный Мак-

сим. – Давно?

– Он разведчик, был во всяком случае, служил в секретной части Указа Оборона. Ещё до тебя его послали на разведку в Еурод, где он прожил две вёсны. А Любава встретила тебя. Он вернулся, да поздно.

– Понятно. Хотя постой: если он находился у выродков, почему же не помог нам вызволить её из плена, когда Любаву держали в порту Немки?

– Этого я не знаю, – огорчённо признался Малята.

– А ты откуда знаешь, что Гвидо – разведчик? Судя по вашей встрече, он тебя увидел впервые.

– И я его не видел, – лукаво ухмыльнулся молодой пограничник. – Но как говорится, слухом земля полнится. Мне бацька рассказывал. Он всё знает.

Максим кивнул. Гонта действительно мог знать подробности личной жизни родной дочери и секреты оборонной епархии Роси.

– Да ты не парься, – сказал Малята (слово «не парься» он произнёс по-русски), заметив, как помрачнел спутник. – Любава тебя любит.

– Знаю, – невольно усмехнулся Максим, подумав, что ситуация складывается скользкая, и не пришлось бы потом выкручиваться из положения «нового защитника чести и достоинства» жены.

Подошли к причалу, построенному из стволов сухих дубоносов, прочных как сталь. Стволы были отёсаны до пря-

моугольных плах, и запах дерева перебивал даже болотные ароматы.

Весь причал был заставлен тюками, бочками и разнокалиберными коробами. Их грузили на борт тримарана два десятка мужчин в робах портовых служащих. Только спустившись к берегу, Максим оценил размеры болотохода. Корабль уступал хладоносцам конунга, однако всё же его длина достигала не меньше сотни метров, по ширине он был равен российскому атомному ледоколу «Арктика» (Максим посещал ледокол с экскурсией, будучи в Мурманске), а по высоте тримаран с гордым именем «Светозар», наверно, мог посоревноваться с башней Московского Кремля. Никаких антенн на его пристройках не было видно, локаторами и рациями моряки не пользовались (их заменяли не технические устройства, а специально выращенные живые «гаджеты» – птицы, насекомые, жители болота), но и без них двухпалубный корабль с тремя корпусами выглядел впечатляюще. Максим невольно вспомнил лопотоп – болотную подлодку, на которой он возвращался с Любовью после её освобождения, и покачал головой. Местные «субмарины» могли бы послужить примером героической упаковки экипажей «в консервной банке».

Началась суета с размещением отряда Гвидо.

Надо было не только упаковать грузы в трюмах тримарана, но и пристроить оружие, боеприпасы, консервы, поместить в отдельные боксы двух хладунов, а главное – развести бойцов по каютам и кубрикам, которых оказалось не так много,

как требовалось. В конце концов через три часа, к вечеру, погрузка закончилась, сотня перешла на борт «Светозара», и причал опустел.

Прощались с уходящими в поход только пограничники заставы вместе с воеводой да работники порта.

Максиму досталась двухместная каюта на второй палубе. Он надеялся, что будет жить в ней вместе с Любовой, но она решила иначе, поселившись в каюте со своей помощницей Марфой. Эта девушка запомнилась Максиму ещё по первому рейду на берег тепуя, она управляла двуколом (колесницей) с пассажирами Максимом и Сан Санычем и показала себя искусной воительницей. Всего же на борту корабля оказалось восемь женщин, три из которых входили в отряд спецназа Любовы, выбранные из всего ОБГ – отряда быстрого реагирования, которым она и командовала.

Гвидо Орловец поселился один, заняв каюту капитана корабля.

Звали капитана Боран Мирович, ему исполнилось сорок пять вёсен, он был опытным болотоплавателем и во многом походил на Гонту, суроволицый, с холодными серыми глазами, массивный, скупой на жесты и речь. Он первым и предложил Орловцу свою каюту, заявив, что во время похода будет неотлучно находиться в посту управления тримараном.

До самого отхода командир отряда, формально подчинённый сотнику Могуте, своих подчинённых в лице Максима и Маляты не беспокоил. Его повсюду тенью сопровождал бо-

родач по имени Сломанос, бывший не то помощником, не то ординарцем, не то телохранителем, что забавляло Максима и озадачивало Маляту, который почему-то Гвидо невзлюбил. Когда тримаран вышел наконец в бухточку, минуя пену и водорослевые островки, Орловец обошёл кубрики узнать, как себя чувствуют бойцы. Не забыл он и о госте из России, зайдя в каюту Максима и принеся с собой не слишком аппетитные болотные запахи. Окинув взглядом крохотное помещение, в котором трудно было бы развернуться крупнотельным жильцам (Сломанос остался снаружи), Гвидо поинтересовался:

– Давно с хладунами знакомы?

Максим, ожидавший другой вопрос, сел на нижней койке.

Малята прыгнул с верхней, посмотрел на него вопросительно. Максим молчал, и молодой пограничник сказал:

– Порядком.

– Как с ними можно управляться?

– А мы на что? – спросил Максим.

– Я возьму одного.

– Вряд ли он станет подчиняться другому...

– Заставлю.

Малята фыркнул.

Орловец глянул на него сверкнувшими рысьими глазами, боднул воздух лезвием лба.

– Не вижу ничего смешного.

– Макс сам заневолит хладуна, а второго перегрузила Лю-

бава. На Клыке Дракона ещё остались, выберешь себе.

– Паря, будешь пререкаться, я тебя выгоню обратно, несмотря на то что ты сын воеводы.

Малята побледнел, напрягся.

– Ты... не имеешь...

– погоди, – остановил его Максим, встал, заставляя сотника попятиться, – пошли, поговорим.

Орловец помедлил, но вышел.

– Вот что, господин хороший, – спокойно продолжил пограничник, – ты не князь, а мы не твои халдеи! Заруби это на носу! Надо делать дело? Мы готовы. Но командовать нами как пешками ты не будешь. У нас своя миссия. Как понял, приём?

Лицо Гвидо заострилось, губы слились в полоску, глаза вспыхнули.

– Ты... будешь... делать...

– Что обещал, – перебил его Максим, – не более того. Мне сказали, ты сидел на Еуроде, когда выродки заграбастали Любаву. Что ж не помог?

Спутник сотника шагнул было к нему, но Орловец остановил бородача.

– Не твоё дело!

– Тогда не лезь в пузырь, дружище.

– Ты здесь пришлый...

– Я здесь свой! И среди своих! Пришлый здесь ты! Всё, разговор окончен!

Орловец смерил Максима взглядом, решая подкинутую задачку, усмехнулся, пошёл прочь. Низкорослый, но широкий как комод, Сломанос потрусил за ним.

– И ещё, – сказал им вслед Максим, – обходи Любаву, друг! Она моя жена! Я не посмотрю, что ты командир!

Орловец споткнулся, но не остановился, скрылся в конце палубного коридора.

Максим вернулся в каюту.

– Ну ты даёшь! – с восхищением покрутил головой Малята. – Нажил врага! Он же собирается пойти во власть как сын управляющего!

– Да хоть как сын президента Америки, – с улыбкой махнул рукой Максим. – Я, может быть, тоже чей-то сын.

– Чей? – понял его по-своему пограничник.

Ответить засмеявшийся Максим не успел, в дверь стукнули, и на пороге появилась Любава.

– Ага, а я за вами, пора ужинать. – Она оглянулась. – Что вы сказали Гвидо? Проскочил мимо, даже не глянув.

Теперь уже засмеялся Малята.

– Макс его так отшил, что Гвидо зелёным стал.

– Что случилось?

– Сотник хотел отобрать хладуна. Ну, Макс и объяснил ему, что так делать не надо, пусть своего хладуна сам заневолит.

Малята накинул вязанку, протиснулся мимо Любавы.

– Я на камбуз, а вы тут поляляйте.

Дверь закрылась.

Муж и жена посмотрели друг на друга, потом обнялись...

* * *

Ночь на просторах Великотопи – нечто потрясающее! И хотя Максим с Любовью уже не раз попадали в такие условия, проведя на лопотопе больше десяти дней, они не преминули выйти на верхнюю палубу тримарана и полюбоваться ландшафтом мира, образованного складкой иных пространств.

Звёзд по ночам в небе Великого Болота не было. Его купол уходил в чёрную бесконечность, покрытую сеточкой слабого свечения, напоминающего паутину. Зато само болото тускло светилось изнутри, образуя своеобразный «городской» пейзаж, видимый с орбиты космической станции. «Городами» были скопления водорослей, кочек и мелких обитателей болота, формирующих нечто вроде планктона. Проплывая над ними, можно было любоваться ползущими струйками искр, напоминающими потоки автомобилей на улицах городов.

Изредка то там, то сям раздавались всплески, кто-то выныривал из водных окон и снова погружался в болото, издали доносился трубный рёв пополам с визгом – это подавали весть китоврасы и китобыки, местные «киты». Им отвечали свистом и шипением на разные голоса другие жители болота, невольно вызывая в памяти образы земных сирен и русалок.

Выбравшаяся на палубу пара простояла у поручней час и

стояла бы дальше, если бы не сюрприз, уготованный им и всем морякам Великотопью.

Тримаран медленно плыл по россыпям «городских площадей», ориентируясь по перепадам магнитных полей, примерно на «юг» болота. Светило мира давно скрылось за горизонтом, на корабле приближался час отбоя, и большинство бойцов сотни улеглись спать. На обеих палубах оставались редкие пассажиры, да иногда пробегали матросы в синих робах.

Внезапно небо передёрнула бесшумная судорога – будто его как простыню встряхнули руки исполина! Светящаяся паутина в глубинах небесного купола на миг расплылась туманными струйками и облачками. А потом отозвалась Великотопь! Она вздрогнула, прогибаясь, как батут под ногами прыгуна, и выдавила вверх волдырь воды, начавший расплзаться волной цунами во все стороны!

По всему колоссальному болотному океану прокатился низкий рык, закончившийся затихающим гулом.

«Светозар» сначала подскочил вверх всеми своими корпусами, соединёнными баком на корме, потом со стоном всех конструкций ухнул вниз, качаясь, как утлая лодчонка на волнах.

Раздались крики свидетелей катаклизма. Кто-то из стоящих на верхней палубе людей с воплем упал за борт. Засуетились выбежавшие из пристроек матросы.

Максим удержался на ногах и даже успел подхватить Лю-

баву, отпустившую поручень.

– Чёрт! Это что за хрень?!

– Выдох Мрака, – едва слышно ответила девушка, прижимаясь к мужу. Её била дрожь.

– Что ещё за выдох?!

– Хорос говорил, близится Большой Схлоп. Наш мир скукоживается, трещит, разрушается, от краёв Роси откалываются целые куски и горы. Еурод вообще растрескивается, как лавовая корка, на части, поэтому конунг и рвётся завоевать нас, надеясь уцелеть на нашей территории.

– Мечтатель! – пробормотал Максим.

Любава не ответила, затихла у него на груди.

Волны на поверхности Великотопи улеглись, болото начало успокаиваться, в то время как его жители, наоборот, устроили гвалт. Особенно старались «настоящие» лягвы, использованные когда-то предками еуродцев для создания хладунов. Их кваканье было слышно даже в недрах корабля, не давая пассажирам заснуть.

Небо перестало зыбиться, и паутиный узор на нём засветился, как и прежде.

Тримаран остановился, окружённый взбаламученными полями «планктона», холмами водорослей и мшистых кочек.

Глава 3

Хорос допил вкусно пахнувший травами чай, поблагодарил хозяйку за вкусный завтрак и отправился в свой «намоленный» сотнями учеников исследовательский комплекс, называемый росичами Храмом Науки.

Жил он в городке Клетня, расположенном в десяти лигах (они же километры) от столицы края Микоростеня.

Клетня была копией Хлумани, разве что усадеб у неё насчитывалось побольше, и окружали селение не леса, а ухоженные разноцветные поля, несущие округе ароматы цветущих трав и мёда.

Архитектура зданий Клетни мало чем отличалась от архитектуры Хлумани, хотя были и отличия, особенно в изысканной геометрии научных блоков разного назначения. Впрочем, все они были выстроены в прекрасном гиперборейском стиле (шатрово-замковом), и рассматривать переливы фрактальных узоров стен и башенок можно было часами.

Клетня строилась по единому принципу с другими селениями Роси. Она состояла из трёх кругов строений, половина из которых принадлежала комплексу центра. Здесь работали восемь научных институтов (здесь называли их познаварами), изучающих физику, математику, историю, культуру и космогонию этого мира. В былые времена тот, кто хотел учиться дальше, мог свободно приезжать в Клетню и жить

и работать в коллективах и на полях Роси ради пропитания. Но в последние тридцать с лишним вёсен сосед Роси Еурод буквально взбеленился, отравленный вирусом «богоизбранности» и морального разложения, развязал войну, и Клетню закрыли для посещений, чтобы убереечь научную базу Роси от провокаций выродков, как росичи называли жителей Еурода.

Сам Хорос жил и работал в физическом центре Клетни, расположенном на территории района, который можно было назвать кемпингом. Группа одноэтажных шатров окружала центральный коттедж в два этажа, напоминавший маковками большой храмовый комплекс где-нибудь в Кижях, тоже деревянный, но сложнее и красивее.

Двухэтажный коттедж физического «познавара» был не менее гармоничен и красив, чем остальные строения комплекса. Его украшали три маковки ярко-синего цвета, и все стены ажурного деревянного ансамбля были покрыты вязью, в которой сочетались северные руны, иероглифы, лево- и правозакрученные кресты (свастики и свахтистаны) и символы, имеющие сакральное значение для всей древнерусской культуры.

Хорос добрался до центральной «хоромины», здороваясь с сотрудниками центра, попадавшимися на пути, и расположился в думаделе, как здесь называли кабинеты.

Главному высокодею Роси исполнилось восемьдесят лет, и более пятидесяти из них он прожил в этом мире после слу-

чайного пересечения границы между мирами. Но если Максим сделал это в Сещинском лесу, посетив ведьмину поляну (будучи заядлым грибником), то Клим Алексеевич Хорос, старший научный сотрудник Мурманского военного инженерно-физического института, попал на территорию Роси под Мурманском, где нашлась своя ведьмина поляна. Позже он узнал, встречаясь с такими же попаданцами, что в России много таких полей, особенно на севере, куда двенадцать тысяч лет назад переселились остатки народа Гипербореи. Сама же северная страна (тогда она находилась на экваторе, а не на Северном полюсе, в то время как её конкурент – Атлантида – занимал континент на противоположной стороне земного шара, названный впоследствии людьми Антарктидой) после катаклизма, вызванного применением атлантами климатического оружия, «перемешавшего» мерность пространства Земли, вместе со своим оппонентом свалилась в складку пространства с иным количеством измерений и другим ходом времени. Хорос пришёл к этому выводу уже через год после своего перехода Грани. Позже он мог спокойно вернуться домой, в Россию, потому что порталы ведьминых полей работали в обоих направлениях, однако с Отечеством его почти ничего на связывало, кроме родных отца и матери. Жены у Климa Алексеевича не было, к друзьям он не был привязан до смертельной тоски, и он остался в Роси Узорчья, постепенно добравшись до высот деятеля, способного принимать верные решения.

К восьмидесяти годам он погрузнел, поседел, обрёл осанистую уверенность человека слова и дела, но не потерял живости восприятия и доброго отношения к людям. Поэтому его уважали и любили. Но Хорос так и не женился на местной женщине, хотя шансы и возможности были. Однако – не срослось. Он остался жить в Клетне, в научном (высокодейном) городке в небольшом домике-шатре на три комнаты, несмотря на то что ему предлагали намного более роскошное и вместительное жилище.

В это утро двадцать первого травня, что соответствовало нормальному ходу времени июня на Земле и началу лета в России, Клим Алексеевич хотел собрать учеников и специалистов со всей страны, чтобы доложить им о результатах своего научного труда под названием «Теория Всего мира Роси», которым занимался все эти годы, «вёсны» – по-местному. Теорией суперструн, или М-теорией, он увлекался ещё с учёбы в институте и, хотя не имел доступа к компьютерам, поскольку их в Роси не было, всё же сумел создать теоретические предпосылки физики этого мира, имеющего не три измерения, как пространство известной Вселенной, а три с небольшим «хвостиком». Доказательств же хватало, потому что пространственно-временная складка, в которую угодила Рось и многие участки континентальной коры Земли, демонстрировала много аномальных природных явлений, с которыми сталкивались росичи.

Зал совещаний в главном здании центра был небольшой,

вмещающая всего двадцать пять слушателей, но он оказался забит до отказа. Не ожидавший подобного интереса к теме, Хорос начал было считать количество прибывших, но сбился. Примерно их оказалось не меньше пятидесяти человек.

Подождав, пока все рассядутся на дополнительные стулья и просто на пол, начал Клим Алексеевич с избитых истин. То есть заговорил о мерности пространства Вселенной, рассчитанной земными учёными и равной одиннадцати измерениям, трём развёрнутым, создающим пространство, и остальным восемью (не считая времени), свёрнутым в сверхмалые структуры Калаби – Яу. Однако мир, в котором оказалась Рось Узорочья после катастрофы, являл собой поразительное исключение, потому что подчинялся не трёхмерной физике, а законам метафизики, манипулирующей нецелочисленным количеством измерений. В случае с Росью основы её мира подчинялись трём и одиннадцати сотым мерностей, то есть почти числу «пи», что подтверждалось не только измерениями, проведёнными учёными Еурода (эта цивилизация имела в своём распоряжении необходимые инструменты), но и существующими аномальными явлениями природы. Эти явления сопровождали росичей всё время существования и вошли в их «нормальный» образ жизни.

Одним из таких необычных явлений была визуализированная иллюзия каменных стен, окружавших тепу́й Роси. Проявлялся эффект на расстоянии всего в три-пять лиг от обрыва столообразного плоскогорья: как только человек пе-

ресекал эту границу, он начинал видеть горные склоны впереди, но стоило пройти сквозь стену, она пропадала.

Хорос объяснял этот эффект тем, что человеческие органы чувств «цепляли» хвостик измерений – 0,11, и в нервных окончаниях тела рождался сигнал, воздействующий на мозг наблюдателя таким образом, что он видел горы, которых на самом деле не существовало.

Ещё одним примером дробной мерности пространства Роси были нередкие исчезновения знакомых предметов быта или природных объектов. Стояла во дворе дома колода с водой для домашней птицы и вдруг пропадала. Либо высовывался из почвы в лесу камень – и тоже внезапно исчезал. У Клима Алексеевича и на этот случай было припасено объяснение: по территории Роси бродили «пузыри» пространства с тем же дополнительным хвостиком измерений, равным одиннадцати сотым. Попадая в «пузырь», объекты просто перемещались в другие районы Мироздания, но не все, а лишь достигающие определённой массы и плотности. Человеческое тело, равно как и другие живые существа, под эти параметры не попадало, иначе таких случаев было бы много. Но история Роси примеров переброса жителей не знала.

Зато существовала другая опасность – Чёрные камни, называемые росичами Столпами Мрака. Это были самые настоящие переходы за Грань, попаданцы из России называли их порталами, появляться возле которых не стоило. Располагались они, как правило, в глухих уголках леса и сраба-

ывали спонтанно, переноса наткнувшихся на них людей в иные пространства. Эти странные «выпуклые колодцы» образовались во время Сброса Роси (и её соседей) как своеобразные кишки, вывалившиеся «из живота» Земли и соединившие её с новообразованным миром. И хотя со временем их становилось всё меньше, Чёрные камни встречались в разных районах Роси. Один такой находился недалеко от пограничной Хлумани, через него попал на этот отколовшийся кусок тверди ещё один попаданец из России – Корнелий. Разумеется, Хорос был знаком и с ним, и с другими переходцами, нет-нет, да и прорывающимся из-за Грани в Рось. Таким был Максим Жаров, молодой инженер из Брянска, который так и остался здесь жить, влюбившись в Любовь, дочь воеводы Гонты, и его друг Александр, военком из Брянска. В отличие от Максима военком вернулся домой, где у него были родители. Но многие из переходцев тоже оставались жить в стране потомков гипербореев, сохранивших общинный уклад жизни, законы и традиции справедливого общежития и сумевших развить в себе многие биологические способности, позволявшие им жить долго и практически без болезней.

Пугать слушателей грядущим изменением сложившегося уклада не хотелось, поэтому Клим Алексеевич ограничился лишь коротким резюме: не надо ждать Апокалипсиса (этот термин вошёл в обиход росичей из речей россиян-переходцев), но надо к нему готовиться. После этого руководитель

центра предложил задавать вопросы и отвечал на них больше godziny (примерно полтора часа по местному времени), пока староста Клетни Алсуфий не закрыл собрание решительным: «Довольно, други мя, мастер устал».

Переговариваясь, слушатели начали расходиться. Однако в зале осталось трое мужчин неприметного вида, в обычных кафтанах невоенного кроя, и Алсуфий обратил на них внимание. Двое были одеты в повседневные кафтаны, третий – в хорошо скроенный опашень серого цвета, с ворсом, из-под которого была видна свитка. Порты на незнакомце были тоже серые, заправленные в остроносые ботки без шнурков, сшитые из шкур клюваров.

– Прошу прощения, панове, други мя, – сказал староста, – приходьте заутра, Клим Алексич продолжит обсказ.

Троица подошла ближе. Шагавший впереди мужчина среднего роста, с седой бородкой и синими, как небо в полдень, глазами, улыбнулся.

– И я прошу прощения, что спрятался под этой личиной.

Лицо незнакомца поплыло, изменяясь. Бородка исчезла, губы стали твёрже, нос прямее, появились скулы, и даже волосы на голове изменили форму. Не поменяли цвет только глаза, в которых просияла ироническая искра.

– Княже! – ахнул староста, прижимая руку к груди и опуская голову в знак приветствия.

Это и в самом деле был Светлый Князь Ярило Горд, самодержец Роси и её духовный лидер.

Хорос поклонился, не слишком удивлённый способностью князя к перевоплощению. Этим даром владели многие росичи, особенно из древних, кто добивался уровня выносить решения, но это были все люди ответственные и нравственно развитые. Клим Алексеевич не мог изменять внешность, имея другую генетику, однако не завидовал тому же Максиму, экстрасенсорный запас которого позволил двадцативосьмилетнему парню быстро влиться в общину. Недаром он ещё на родине, в России, стал мастером ножебоя и прекрасным теннисистом. Его психика оказалась хорошо настроена на волну местного восприятия. А росичи умели многое: жили дольше (до двухсот вёсен), не болели, могли долго обходиться без воды и пищи, подпитываясь солнечным светом, быстро запоминали большие объёмы информации и не нуждались в вычислительных машинах, имея «живые компьютеры» в виде кочар – жителей Великотопи. Кроме того, они управляли птицами и зверями и, скорее всего, умели читать мысли. В последнем Клим Алексеевич не был уверен на все сто процентов, однако не раз замечал, как жители Роси обменивались взглядами, и этого было вполне достаточно, чтобы действовать сообща без каких-либо словесных объяснений.

– Хотел бы задать тебе несколько вопросов, Алексеич, – проговорил князь мягким баритоном. – Если можно.

– Какие могут быть противоречия, – пробормотал Алсуфий.

– Нет, нет, я готов, – поторопился Хорос. – Хотите, могу показать, над чем мы работаем.

– Нет времени, расскажите коротко. Может быть, присядем?

– Тогда лучше побеседовать в моей горнице.

– Идёмте, – простецки кивнул князь.

Рабочую горницу хозяина гость осмотрел с интересом. Он уже посещал комплекс в Клетне, однако в кабинет Хороса не заходил.

Помещение оказалось просторное, с пятью окнами, и света в нём было достаточно, чтобы рассмотреть корешки фолиантов на полках, собранных со всей Руси, и соты с лонгиярами за стеклянными дверцами шкафов. В них находились «вишенки с иголочками» – ментальные записи, в которых хранилась информация о том или ином предмете, явлении, разделе науки и лекции по истории и культуре Руси. В просторечии лонгияры называли памятками, а переходцы из России – флешками.

Когда-то в Гиперборее существовала технология изготовления памяток, которую примерно сто вёсен назад удалось восстановить. Теперь памятки выращивались как рыба икра в телах кочар, и в собрании Хороса их насчитывалось не меньше миллиона.

– Чаю? – предложил Клим Алексеевич.

Князь отрицательно качнул головой.

– В другой раз.

– Присаживайтесь.

Князь посмотрел на сопровождавших его мужчин.

Одного из них Хорос знал – советника князя по обороне Мстислава. Второй был незнаком, но судя по мощной фигуре и манере держаться, это был хранитель князя.

– Вы тоже.

Гости сели.

– Что вас интересует, княже? – спросил хозяин.

– Прежде всего состояние оборонных заказов, – густым басом проговорил Мстислав, крупноголовый, гладколиций, ясноглазый, спокойный. В чёрных его волосах серебрились ниточки седины.

– Всё идёт по плану, – сказал Хорос. – Защиты от плевков хладунов мы ещё не создали, уж больно их слюна кусачая, зато благодаря умелым действиям переходца Максима, женатого на дочери воеводы...

– Знаю.

– Мы научились обуздывать их.

– Перепрограммировать, – кивнул князь, выговорив сложное русское слово без запинки.

– Так точно.

– Кроме того, сотник Могута привёз любопытные артефакты, найденные на Клыкке Дракона. Ультразвуковые и электромагнитные излучатели, огнестрелы-автоматы и металлические руки.

Хорос открыл ящик стола, вытащил браслет, блеснувший

золотом, протянул гостю.

– Лептономёт. Максим называет его бластером.

Князь с любопытством повертел браслет в пальцах.

– Тяжёлый.

– Заряженный ещё тяжелее. – Хорос сунул руку в кольцо, и браслет плотно осел на запястье, высунув вилочку с крестиком прицела.

– Мы попытались заряжать его от электрических скатов, но не преуспели. Скоро заряд кончится, и они станут простыми железками. Могу продемонстрировать.

– Не надо. Он сложен в изготовлении?

– Нужна целая цепочка производств. Даже у конунга таких технологий нет. – Клим Алексеевич помолчал. – К счастью. Оружие очень масштабное, один выстрел превратит в облако пыли любой хладоносец.

– Впечатляет. К сожалению, войско конунга владеет и другими опасными видами оружия. Если оно получит другие артефакты, нам придётся туго.

– Потому-то мы и направили к Клыку Дракона экспедицию, – сказал Мстислав.

– Это надо было сделать раньше, – сказал Хорос.

Гости переглянулись.

– Посылали, – признался Мстислав. – Три раза. Ни один отряд не вернулся. Могут повезло, что они наткнулись на Клык во время бегства с Еуроода.

– Это правда, – сказал князь с сожалением. – Потеряли

многих. Ты говорил о физических основах Роси, и судя по всему, нас ждут новые испытания.

– Метрика пространственной складки колеблется. Это влечёт за собой процессы распада континуума...

– Не грузи меня терминологией, – усмехнулся князь.

– Грядёт Большой Схлоп, и нам придётся думать о сохранении Роси. К тому же конунг мечтает найти мракобой, и если отыщет – весь этот мир лопнет, как мыльный пузырь. Мы разделим судьбу динозавров, живших на Земле в эпоху мезозоя. История никого не учит. Конунг мечтает завоевать Рось в надежде спастись на ней от Схлопа, но и наш тепуй не уцелеет.

– Ты сегодня слишком пессимистичен, высококодей. Уверен, мы найдём выход. Что такое мракобой?

– Инициатор геофизического распада. Его применили динозавры двести миллионов лет назад, потом атланты двенадцать тысяч лет назад. А нынче его ищет свора конунга.

– У наших предков тоже был мракобой, – хмуро пробурчал Мстислав.

– Был, но они им не воспользовались, зная последствия и надеясь на благоразумие противника. Но атланты поступили иначе. После удара мракобоем началось дробление мерности, совмещение пространственных объёмов с разными мерностями, и от континуума Земли откололись многие участки её коры.

– Тепуи.

– Тепуями они стали после Сброса, что и позволило выжить уцелевшим предкам.

– А что значит – началось совмещение пространств с разными измерениями?

– Это значит, что возникли пузыри разной мерности, которые и принялись пересекаться между собой. В нашей земной Вселенной развёрнуты три измерения: длина, ширина и высота, остальные свёрнуты в струны, а в пузырях развернулись, скажем, длина, ширина и четвёртое или пятое измерение либо длина, высота и дробная добавка.

– Как у нас?

– В мире Роси к трём пространственным добавился хвостик дробной мерности в одиннадцать сотых, что и приводит к эффектам, о которых я говорил. Но сочетаний может быть огромное количество, большинство из которых нам недоступно по причине отсутствия органов чувств или соответствующей аппаратуры.

– Как вы измерили цифру хвостика? Почему она равна именно одиннадцати сотым?

Хорос смущённо поёжился.

– Вообще-то число хвостика предложил я. Наши разведчики добыли на Еуроде кое-какие приборы, всёсхваты, и они подтверждают мои предположения. Несмотря на то что доказательства всё равно недостаточно. Хотелось бы привезти недостающее с большой земли – из России, но пока что нам не удалось.

– Что тебе нужно? Компьютеры? Они не будут у нас работать.

– Хотя бы иммерсивные датчики – с приборами изучать природу всё-таки проще.

– Лучше занимайтесь развитием человека, чтобы мы сами стали приборами и видели природу во всех её проявлениях. Но ты не ответил на вопрос.

– Я математик, а для математика число три и одиннадцать сотых близко к священному числу «пи», которое выражает отношение длины окружности круга к её диаметру. Возможно, такое совпадение не случайно. Хотя на самом деле даже с помощью еуродских приборов определить их дробное количество невозможно. Оно может быть равно и трём с половиной, и чуть меньше, и чуть больше.

Князь крепко потёр шею ладонью.

– С удовольствием послушал бы тебя ещё, если бы не торопился. Но один вопрос всё же задам – давно интересуюсь. Почему переходы... э-э, порталы связывают Рось именно с Россией?

– Не только с Россией, но вообще с Землёй. Они должны быть и на других тепуях. Ответ прост: мы так и остались спутаны на квантовом уровне червоточинами-струнами измерений, поэтому и переходят к нам земляне, а не инопланетные существа.

– Кажется, понял. И долго эта спутанность продержится?

– Пока эффузия континуума не приведёт к новому Схло-

пу.

– Эффузия... м-да. Плохо! Я думал, удастся заблокировать переход.

– Заблокировать можно, используя тех же хладунов или собранием «большого глюка», но вряд ли нам удастся отыскать все порталы, какие-то наверняка сохранятся в укромных местах, под землёй или на болоте. Да и на Еуроде они есть. Другое дело – использовать мракобой.

Собравшийся встать князь сел на место.

– Не понял. Как это – использовать мракобой? Оружие, разрушившее Атлантиду и Гиперборею?

– Его можно настроить, скажем так, на другую частоту, и оно снимет взаимозависимость миров. Переходы станут невозможны.

– Да, но уцелеет ли при этом Рось?

Хорос виновато развёл руками.

– Смотря как настроить мракобой.

Князь поднялся.

– Надеюсь, наши посланцы успеют опередить халдеев конунга и не дадут ему воспользоваться мракобоем. Проще-вай, Алексеич, ускорь работу над защитой. Через семь-восемь дён заеду к тебе, погугарим подробнее.

– Разрешите проводить, княже? – Хорос вышел из-за стола.

– Не надо церемоний, увидимся.

Все трое пожали Климу Алексеевичу руку, и он остался

один, задумчиво глядя им вслед.

На душе стало тревожно.

Весь день прошёл в такой же тревожной суете, словно и в самом деле вот-вот должна была случиться какая-то беда. А ночью произошёл очередной Выдох Мрака, какие в последние месяцы случались всё чаще. Содрогнулось небо, содрогнулась Рось, содрогнулся весь остров, и закачалась на невидимых волна Великотопь, вызывая вопль страха у всех её обитателей...

Глава 4

Ночь прошла спокойно.

Великотопь постепенно успокоилась после странного явления, названного росичами Выдохом Мрака, тримаран остался на месте до утра, и наступила тишина. Условная, конечно. Так как обитатели гигантского болота продолжали жить по своим законам, и ночь для них мало чем отличалась от дня.

Малята рывнулся было оставить каюту Максиму и сестре, но та заявила, что будет ночевать с Марфой, и молодые пограничники остались вдвоём.

– Ты знаешь, что такое Выдох Мрака? – спросил Максим, начиная одеваться. Спал он в своих российских трусах, оставив себе родное бельё, хотя и спальные мужские панталоны росичей имели примерно те же формы.

– Рось оседает, – ответил Малята сонным голосом.

Парень умаялся за день, но признаться в этом ему мешала гордость. Спал он всегда как убитый, ни разу не сменив позы.

– Как это оседает? – озадачился Максим, собираясь идти умываться.

– Я слышал от Корнелия. Когда Рось оседает в глубину Великотопи, возникает Выдох.

– Может, наоборот, вдох? Случается вдох, и тепуй Роси проваливается глубже.

Малята помолчал, потом проговорил нехотя:

– Может, и так.

– Но что собой представляет Выдох-Вдох как физическое явление?

– Спроси чего-нибудь полегче. – Малята спрятал голову под подушку, голос парня стал глуше. – Корнелий утверждает, что наш мир трескается и скоро схлопнется. Будет Большой Схлоп.

– А он откуда знает?

– От Хороса.

– А тот – от кого?

– Отстань, дай поспать! – Малята повернулся спиной к спутнику, но не выдержал, снял подушку. – У Хороса служат все наши умные головы. Раньше, до него, центра не было, он его создал, и наши разведчики привезли ему мировиды с Еурода.

– Чего?

– По-вашему, приборы, до Хороса у нас их не было. А у выродков остались от предков. Теперь и наши умноголовые могут видеть то, что раньше не видели. К примеру, Корнелий говорит, что каждый Выдох увеличивает размер нашего светозара.

– Солнца.

– Приборы это определяют с большой точностью. Но при этом оно светит меньше. Отец рассказывал, что ещё полста вёсен назад у нас в Хлумани температура воздуха днём под-

нималась до сорока пяти градусов, а теперь даже в самые жаркие дни не доходит до тридцати.

– Ну, это же хорошо.

Малята покачал головой.

– У нас перестали от этого расти многие фрукты, а поля стали давать меньше урожая.

– Зашквар!

– Что?

– Это у нас в России молодёжь выражает так свои эмоции.

– А-а...

– Вставай, уже семь часов утра, пора завтракать.

– Иди, я догоню, – со вздохом сожаления произнёс молодой пограничник.

Максим сбегал в общую освежальню на первой палубе, умылся, привёл себя в порядок, вернулся на бак второй палубы, но в каюте Любаву не застал. Поздоровался со спутницей жены, в очередной раз подумав, что помощница Любавы выглядит почти так же потрясающе, как она сама. Впрочем, это касалось и других женщин Роси, красота которых иногда ошеломляла.

– Она у Могуты, – сказала Марфа, надевая колонтарь.

– Вы уже завтракали?

– Нет ещё.

– Ага, тогда я схожу за ней, а потом на камбуз.

Максим выскочил на палубу, глянул на пейзаж за бортом болотохода и застыл, созерцая невероятный мир грандиоз-

ного болота, размеры которого, наверно, превышали любые океаны Земли.

Было раннее утро. Светило Роси, или светозар, как его ласково называли росичи (тримаран тоже носил имя Светозар, что подчёркивало его миссию), всплыло над туманной полосой Великотопи на «востоке», протягивая по открытым водным пространствам, свободным от водорослей, кочек и полей кувшинок, длинные бликующие дорожки. Болото продолжало жить своей жизнью, не обращая внимания ни на сотрясения Выдоха Мрака, ни на скользящий болотоход, и время от времени в сине-жёлтой толще возникали струи движения, на водных зеркалах рождались водовороты или всплывали, бесшумно погружались серо-бурые кочки, и проявлялись цепочки пузырей.

Максим заметил выглянувшую из-за холма омертвевших водорослей бугристую голову сине-зелёного цвета и очнулся. Тримаран огибал кольцо водорослей, внутри которого обосновалось стадо водолагов – существ, напоминающих земных морских млекопитающих, стелларовых коров. На Земле они исчезли ещё в начале двадцатого века, истреблённые человеком, но здесь смогли выжить. Хотя было известно, что жители Еуроа охотятся на водолагов с не меньшим азартом, чем их земные «коллеги».

К замершему Максиму подошёл Гвидо в сопровождении своего слонообразного телохранителя Сломаноса.

– Что увидел? – спросил он, не здороваясь.

Как раз в этот момент в лагуне, окружённой валом водорослей, похожим на коралловый риф, началась паника. Из воды стали выскакивать водолаги и запрыгивать на вал, стараясь убежать от какого-то обитателя болота. Вынырнув из воды, он цапнул зубастой пастью водолага и погрузился с ним обратно.

– Акулеф, – усмехнулся Гвидо, заметив реакцию переселенца. – Не видел раньше?

– Нет, – признался Максим.

– В топи водятся ещё более впечатляющие твари. Я встречал полинога, такую кишку со щупальцами, что и болотоход утащит.

Максим молчал.

– А ещё существует хтон, – продолжал Гвидо таким тоном, словно хотел напугать собеседника. – Вот это монстр из монстров! Ему и хладуны не страшны. Слышал?

– Нет, – качнул головой Максим, хотя приврал. Любава рассказывала ему о жителях Великотопи, упомянув и хтона, могучего родственника китоврасов размерами с земной танкер.

– Хтон проглотит и наш тримаран, – продолжал сотник с той же усмешкой, как бы спрашивая: не страшно?

– Ух ты! – подыграл ему пограничник. – Были случаи? Интересно, кто рассказал? Тот, кого хтон проглотил?

Гвидо нахмурился, хотел что-то добавить, но Максим опередил его, увидев появившуюся на палубе пару – Могуту и

Любаву.

– Прошу пARDону, – последнее слово он произнёс по-русски, – меня ждут.

Повернувшись к Гвидо спиной, он подошёл к сотнику и жене.

– Утречь здоба!

Любава заметила оставшихся стоять у поручней Гвидо и его спутника, улыбнулась и поцеловала Максима в щёку, словно подчёркивая сложившийся консенсус: всё изменилось и обжалованию не подлежит.

На душе стало радостно.

Сотник молча зашагал к пристройке на носу тримарана, в которой находилась рулевая рубка болотохода.

– Хорошо спалось? – прогудел бородач Могута, проводив Орловца понимающим взглядом.

– Почти как дома, – сказал Максим. – Далеко мы отплыли?

Могута посмотрел на светозар-светило.

– Лиг на триста южнее. Скоро пройдем мелководье и войдем в глубоководье. побыстрее пойдём.

– Сколько нам осталось до Клыка?

– Около тысячи лиг, через ночь дойдём.

– Тогда я с мелким озабочусь тренингом.

– С кем?

– С моим братом, – рассмеялась Любава. – Так как мне тоже делать нечего, то я присоединюсь к вам. Чем ты зай-

мёшься потом?

– Потренирую ворона, чтобы не забывал, и повожусь с хладуном.

– Гвидо хочет подчинить себе одного, – сказал Могута. – Не знаю, хорошо это или нет.

– Пусть попробует, – вдруг согласилась Любава. – Думаю, ничего у него не выйдет, а у нас появится отговорка, чтобы он не мешал нам дальше.

– Вот и отдай своего, – проворчал Максим.

– Хорошо.

– Идёмте в трюм, посмотрим на наших лягушек. – Могута первым направился к шахте в трюм тримарана.

* * *

Тренировкой Максима и Маляты заинтересовались не менее половины бойцов сотни Гвидо, и даже он сам уделил ей внимание, посмотрев на условный ножевой поединок и оценив серию бросков обоих пограничников. Тримаран нередко маневрировал, обходя попадавшиеся на пути «острова», от чего соревнующимся приходилось тщательнее выбирать момент для метания. Но оба почти не промахивались, и Орловец со скучающим видом похлопал в ладоши, словно был мастером повыше классом. Однако от предложения Могуты присоединиться к метателям отказался.

После полутора часов занятий с ножом Максим вынес на

палубу клетку с вороном.

Снова вокруг собрались гуляющие по палубам бойцы отряда, поскольку делать им пока что было нечего. Но Максим попросил их наблюдать за учениями с других палуб, чтобы не пугать птицу, и помогали ему только Любава и её брат.

Может быть, Максиму и показалось, что ворон ему обрадовался, но он так раскатисто отозвался на своё имя Герасим, что Любава прыснула, а Малята расплылся в недоверчивой ухмылке.

Вцепившись в плечо хозяина, птица поворочала клювом из стороны в сторону, потопталась, пощёлкала клювом и выдала ещё несколько «слов»:

– Дрраамма! Горессим! Харрттрога!

Любава расхохоталась.

– Надо же, разговорился!

– Переведи.

– По-моему, и так всё понятно. Товарищ спал спокойно, а ты его разбудил. Вот он и жалуется.

– Распустил ты летуна, – укоризненно качнул головой Малята. – Так он вообще скоро начнёт требовать, чтобы его не трогали.

– Не начнёт. Герасим, полетай! – Максим подбросил птицу в воздух, и та, взмахнув полуметровыми крылами, ввинтилась в небо.

Некоторое время все смотрели на ворона, наматывающего круги над кораблём. Тримаран сейчас шёл под парусами,

давая отдых «живым двигателям» – китоврасам, и серые полотнища загорали небо, поэтому изредка птица пропадала за ними.

Ветерок принёс говор наблюдателей на других палубах. Бойцы сотни были людьми простыми и с интересом обсуждали манёвры ворона.

– Не улетит? – осведомилась Любава.

– Куда? – хмыкнул Малята. – До ближайшей суши сто лиг, полетает и вернётся. Макс, прикажи ему.

Максим сосредоточился на мыслепередаче и через несколько секунд уловил ответ: ворон передавал ему не слова, а ментальные сигналы-эмоции, что понял хозяина и подчиняется. Спустя ещё пару секунд он круто спикировал на Максима из-за паруса и сделал над ним пируэт, восхитивший зрителей.

– А ты боялась, – назидательно сказал Малята, словно это он управлял птицей.

– В таком случае его можно отправить на разведку, – предложила Любава.

– Я тоже об этом подумал. – Максим сосредоточился, поймал волну ворона и стал видеть его глазами.

Он давно научился мысленно управлять птицами, а иногда мог и разговаривать с животными Роси. Во всяком случае, гиганты-клювары и ещё более могучие китоврасы понимали гостя из России и относились к нему дружески.

Ворон поднялся выше, под струи сизых облаков.

Горизонт раздвинулся, качаясь под разными углами, как поверхность плато под ногами нетрезвого человека: Герасим вертел головой, разглядывая болото. И хотя формат его зрения не совпадал с бинокулярным человеческим, вследствие того что глаза у птиц смотрели чуть ли не в противоположные стороны, Максим без усилий приспособился к нюансам птичьего зрения.

На «юге», куда и направлялся болотоход, небо темнело, предвещая изменение погоды. Настоящих штормов или тайфунов, как на земных морях, на Великотопи не рождалось, но бури бывали, и попасть под удар стихии никто не планировал.

На «севере», откуда и шёл тримаран, наоборот, небо светлело с каждой минутой, и скоро должен был проявиться эффект «двойного светозара»: в противоположной от светила стороне из синих глубин небосвода проступал пузырь второго солнца. Ненадолго, всего на несколько минут. Заканчивалась феерия тем, что второе светило расширялось кольцами, и на его месте ещё долго – часа два – чернела настоящая дыра. Хорос объяснял эффект «дробной мерностью» мира Великотопи, но что это было на самом деле, не ведал и он. Максим, когда ему полгода назад показали феномен, предложил слетать к дыре и посмотреть на неё вблизи. Но аппараты тяжелее птиц в пространстве Роси летать не могли, и авиации как таковой у жителей мира не было. Не появились даже аэростаты и воздушные шары, что для Роси оказалось

благом при наличии у её врагов планов завоевания страны.

Глянув на «восточную» и «западную» стороны света, Максим «вернулся» в свои глаза.

– Всё спокойно, болото занимается своими делами. Слева проплываем мимо большого рифа с семейством водолагов, справа видны поля планктона, резвятся скаты.

– Может, акулефы? – загорелся Малята. – Вот бы подстрелить!

– Остынь, охотник! – проворчала Любава. – Вороньими глазами смотрел?

– Естественно. И кажется, мы плывём прямо в сердце шторма или по крайней мере в бурю.

Брат и сестра одновременно глянули на «юг».

Любава кивнула.

– Похоже. Чёрт! Это может нас задержать.

На палубе появился Гвидо Орловец. За ним хвостиком топал могучий Сломанос.

– Чем занимаетесь?

– Ворон гоняем, – с иронией усмехнулась Любава.

Сотник посмотрел на летающего над парусами Герасима.

– Кончайте. Я хочу повозиться с хладуном.

– Наши хладуны подчиняются только нам, – угрюмо обронил Максим.

– Я их у вас не отбираю. Но случись что с вами, не дай свет, кому они станут подчиняться? Поэтому лучше перестраховаться.

– Я своего не дам.

– Ладно, я выведу своего, – пожала плечами Любава. – Но предупреждаю, эксперимент с перехватом управления может быть опасен.

– Как-нибудь справлюсь.

Любава поманила брата, и они ушли на нижнюю палубу.

Максим мысленно позвал ворона, передал его под изучающим взглядом сотника одному из матросов и стал ждать, спрятав эмоции под маской равнодушия.

Толпа зрителей подалась назад, когда на верхней палубе появилась помесь кенгуру с лягушкой высотой под два с половиной метра, сопровождаемая Любовью и Малятой. Они поставили хладуна перед надстройкой поста управления, и Любава жестом отослала Маляту к зрителям.

Подошёл Гвидо, рассматривая зеленовато-коричневого зверя с огромным зубом и лягушачьей мордой, покрытой бугорочками, в пасти которой уместился бы целый кочар величиной с два-три футбольных мяча.

– Как ты с ним общаешься?

– Думально, – ответила Любава. – Тебя должны были учить этому как разведчика.

Глаза сотника сверкнули, но отвечать девушке он не стал. Подошёл к хладуну ещё ближе.

Монстр продолжал стоять, равнодушно устремив взгляд выпученных, без зрачков, глаз куда-то вдаль.

Застыл и Гвидо, сосредоточив на нём взгляд почерневших

глаз.

Стало тихо, если не считать плеск волн о форштевни тримарана. Замолчали и свидетели эксперимента, собравшиеся на всех палубах болотохода.

Максим почувствовал дуновение тревоги: в голове прозвенели колокольчики неприятного ожидания.

Любава тоже уловила пульсацию «нервных полей», вопросительно посмотрела на мужа.

Тот помедлил, не желая вмешиваться в сеанс «гипноза».

Хладун вдруг ожил. Глаза его выпучились, треснули щеками зрачков – так это выглядело со стороны, – зоб надулся бледно-жёлтым пузырьём.

Максим понял, что сейчас произойдёт.

– Ложись!

Любава присела. Малята проворно отскочил назад.

Наблюдавшие за происходящим бойцы сотни шарахнулись прочь.

Гвидо всё ещё надеялся на свой волевой посыл, только боднул воздух лбом.

Максим прыгнул и успел развернуть хладуна мордой к болоту.

Гигантская лягушка с лапами кенгуру плюнула!

Струя белёсого тумана прянула за борт, задев поручень, и улетела метров на пятьдесят, опускаясь на воду полосой кристалликов льда. По палубе тримарана прокатилась волна холода. Жёлтый «костяной» поручень покрылся слоем измо-

рози. С палуб донёлся хор криков зрителей.

Хладун развернулся в обратную сторону. Его зрачки то сужались, то расширялись, зоб ходил ходуном, рот открылся, показав ряды острых зубов, лапы согнулись, будто он собирался прыгнуть на сотника.

К чести Гвидо, убежать или прятаться он не стал, вытащил знакомый «мосол» глушара – разрядника глюкополя (по терминологии Хороса), стреляющего особым видом энергии, парализующей мышцы.

Максим тоже схватился за оружие – нож, легко пробивающий зоб мегальягушки, что было доказано уже не раз.

Однако Любава опередила всех.

– Стаяць! – крикнула девушка, вскинув руку ладонью вперёд.

Хладун звучно захлопнул пасть, осел на лапах, как это делает кошка при посадке. Зрачки зверя превратились в щёлочки, исчезли. Он успокоился.

– Дурань! – опомнился Малята, виновато глянув на Максима. – Ох у ты и скоробежка!

Он имел в виду быстроту реакции.

Максим спрятал нож.

Любава подошла к хладуну, что-то проговорила.

Хладун судорожно зевнул, поцокал зубами, затих.

Подошёл Гвидо, пряча глушар. Сказал как ни в чём не бывало:

– Упрямый гадёныш! Прикажи ему слушаться.

Любава усмехнулась.

– Он не человек. И я предупреждала. Лучше его не насиловать. Кстати, Макс тебя спас, ничего?

Гвидо покосился на Максима, стоявшего с безразличным видом, нехотя кивнул.

– Посчитаемся, запомню. Но я хочу закончить...

– Хватит! – сердито ответила девушка. – На Клыке Дракона целый погост хладунов, выберешь себе любого и заневолишь.

Подошёл Могута, оглядел хладуна, бросил взгляд на палубу и поручень, начавшие оттаивать.

– Уведите тварь!

Губы сотника превратились в лезвие, он сдвинул брови, собираясь возразить, но бородач двинулся к посту управления, и Гвидо только выдохнул сквозь стиснутые зубы, решив не рисковать в споре.

* * *

До вечера ничего особенного больше не происходило.

Тримаран набрал приличную скорость, благо ветер дул попутный и не надо было идти галсами, но к шести часам пополудни вынужден был притормозить, несмотря на обилие чистой воды. Фронт урагана приблизился, небо накрыла пелена чёрно-серых облаков, рисунок которых напоминал паутину, словно отражал светящуюся сетку космоса. Картина

приближающейся бури Максиму понравилась, и он провёл много времени под открытым небом, любуясь небесной панорамой, передёргиваемой зарницами.

До этого он ещё раз потренировался управлять воронном, затем Любава предложила ему открыть «третий глаз», вспомнив, что обещала сделать это ещё в Хлумани, и они посидели в каюте вдвоём около полутора часов, пока Максим не утомился. Передавали в основном эмоции, вызывая в памяти образы знакомых людей, зато почти научились читать мысли. Во всяком случае, Максиму показалось, что он услышал последние мысли жены: давай отдохнём!

Как оказалось, «третий глаз» у росичей означал вовсе не то, что считалось им на Земле. По легендам родного для Максима времени, «третий глаз» располагался у людей во лбу и считался органом чувств, доступных далеко не каждому человеку. Этот орган отвечал за экстрасенсорное восприятие и участвовал в процессах передачи и чтения мыслей. На самом деле у росичей «третий глаз» представлял собой модификацию состояния мозга, а не орган, и практически все жители Роси обладали этим даром. По словам Любавы, её «глаз» позволял ей чувствовать опасность, прогнозировать личное будущее (она подчеркнула это) и находить выход из угрожающих жизни ситуаций.

– В принципе ты тоже имеешь «третий глаз», судя по твоей реакции и точности ножевых бросков, – заметила она, – только надо твоё умение отшлифовать.

«Шлифовали» час, не считая других занятий, на которых настоял разогретый близостью жены Максим, и в конце концов дошло до того, что перед отдыхом он предсказал какое-то неприятное событие, ждущее его впереди.

– А точнее? – поинтересовалась она. – Где ты себя видишь?

– Не обратил внимания, – виновато признался он. – Вроде бы я был на палубе... не помню... и что-то случилось, словно болотоход пробило насквозь чёрное облако. Могу ещё понапрягаться.

– Не надо, надорвёшься. Я тоже чую какую-то неприятность, и вероятнее всего, на нас действует приближение к цели. Твой и мой «глаз» почуяли ауру Клыка Дракона.

– Не помню, чтобы я чуял эту ауру, когда мы приплыли к нему на лопотопе.

– Потому что хватало других раздражителей.

– Ну разве что.

– Отдохни, я пойду к себе. – Любава подхватила с лежачка. – Не то Марфа начнёт тревожиться.

– Хорошая у тебя помощница.

Любава прищурилась.

– Это твоя мужская оценка или социальная?

Максим засмеялся.

– И то, и другое, она красивая и отличный боец.

– А я? – грозно спросила женщина.

– Ты вообще вне конкурса! – искренне воскликнул он.

Любава со смехом обняла мужа, поцеловала и исчезла.

И тотчас же в каюту появился Малята, будто ждал за дверью. От него пахло водорослями.

– Я попал!

– Куда?

– В кочку! Бросал окатыши, как ты показывал.

– Где ты их нашёл?

– С собой взял.

Максим рассмеялся.

– Молодец.

– Пошли на палубу, полюбуйтесь на ураган. Могута сказал, что до Клыка осталось совсем ничего, около десяти лиг, скоро мы его увидим.

– Пошли, – согласился пограничник.

Выбрались на верхнюю палубу к надстройке с постом управления, окунувшись в душный воздух болота, насыщенный не сильно приятными запахами.

Великотопь, накрытая чёрным куполом туч, так и сохранивших рисунок паутины, встретила их горбами волн высотой до пяти метров, колеблющих не только воду, но и водорослевые острова. Причём метались эти горбы как попало, не образуя длинных волн, как на земных водоёмах, потому что ветра практически не было. Впечатление создавалось такое, будто всё болото встряхивал, как таз с грязью, какой-то великан!

Максим невольно вспомнил упоминание о хтоне, хотя

этот обитатель вселенского мегаболота не подходил на роль «сотрясателя таза». Если он существовал, то в данный момент тоже бултыхался в глубинах Великотопи, как обыкновенная рыбёшка.

– Красиво! – сказал Малята, жадно разглядывая болотную стихию. Страх в его глазах, отражающих зарницы, не было, скорее восторг и ожидание чего-то необычного.

Максим заметил, как на других палубах появились пассажиры «Светозара», с тревогой посматривая на бьющееся в судорогах болото. Спросил у Маляты:

– Приходилось встречаться с ураганами?

– Не, – очнулся молодой пограничник, – ни разу. Бацька рассказывал. Бури по верху тепуя случаются раз в год, но такого неба я не видел.

– Может быть, лучше спустишься вниз?

– Что я тебе, ребёнок? – обиделся Малята.

– Я бы на месте капитана остановился и переждал.

– Какой смысл? Была бы рядом гавань, могли бы укрыться, а так придётся готовиться встретить. Вон матросы засутились.

Действительно, по палубам тримарана побежали фигуры в синих робах, принялись спускать паруса. Болотоход снизил скорость, тем более что впереди показались белые буруны, предупреждающие о наличии подводных камней.

Появился Могута.

– Вам лучше спуститься в каюту.

– Думаете, будет шторм? Ветра вроде бы нет.

– Не думаю – знаю, а ветер ещё будет. На этих широтах он дует сразу со всех сторон, усиливая толчею волн. Ударить может так, что с палуб смочет всех. Такова наша природа.

– Впереди буруны...

– Кольцо рифов вокруг Клыка Дракона, мы уже близко.

С носа тримарана донёлся крик вахтенного:

– Вижу землю!

И в самом деле на горизонте перед кораблём проступил сквозь тёмную полосу какой-то шишак, похожий на защитный шлем рыцаря.

Тримаран повернул правее, обходя подводные рифы. Судя по мелькавшим среди волн очертаниям скал, они были созданы искусственным путём, потому что имели ясно читаемые геометрические формы: выщербленные прямоугольники и пирамиды.

Через несколько минут в кольце рифов показался проход между двумя зубчатыми стенами. Видимо, в этом месте скала обрушилась, не выдержав воздействия времени и волн. Тримаран повернул в эту узкую щель, повторяя манёвр подводной лодки, освободившей Любаву от плена слуг конунга.

Максим неожиданно почувствовал внутренний толчок, будто сердце попыталось вырваться из груди. Покрепче ухватился за поручень, крикнул:

– Подождите! Там... препятствие!

Могута посмотрел на него испытующе.

– Что учуял?

Максим хотел спросить: а вы разве не чувствуете? – но передумал.

– Торчит что-то в воде...

– Скала?

– Нет... чёрный шар... не понимаю.

Сотник переменялся в лице, метнулся к растопырчатой башенке рулевой рубки, махая руками.

– Стой, Панас! Назад!

Однако ни повернуть, ни остановиться тримаран не успел, да и не смог бы, войдя в провал между зубцами мокрых зеленоватых от налёта скал. «Живые двигатели» болотохода – китоврасы – не подчинялись выключателю, как земные суда, да и не было таких выключателей, так как рулевые управляли движением с помощью сбруи, похожей на конскую, и хомутов. Поэтому, даже если бы капитан в рубке тримарана отреагировал мгновенно, его приказ был бы выполнен в лучшем случае через несколько минут. Но и капитан Панас не являл собой образец быстродействующего компьютера. Тримаран продолжал двигаться вперёд, и через несколько мгновений раздался взрыв! Форштевень центрального корпуса болотохода взлетел на воздух столбом бурлящей воды, пара и обломков! Тримаран сразу осел на нос, и люди на палубах с криками посыпались в воду!

Максим и Малята удержались, вцепившись мёртвой хваткой в поручни верхней палубы.

Могуту отнесло к посту управления, однако он успел ухватиться за бортовую планку и в воду не свалился.

Тримаран начал замедлять ход, проплыл за кольцо рифов и остановился метрах в ста за ними.

Началась суматоха. Бойцы и матросы бросились вытаскивать сорвавшихся из взбаламученной воды пополам с илом. На палубу выскочил Гвидо, за ним Любава и её верная помощница Марфа. Отыскав мужа, Любава кинулась к нему, схватила за руку.

– Живой?!

– Нормально.

– Что случилось?!

– Наскочили на мину! – ответил он по-русски.

– Что?!

Он повторил фразу на росичском.

Глаза женщины стали огромными. Так и не выпуская руки мужа, она в оцепенении смотрела на дымящийся нос тримарана, всё глубже оседавший в воду.

Глава 5

Для конунга давно стал традицией вечерний осмотр столицы Еурода Ладана с вершины Башни Власти, формой напоминающей земные минареты где-нибудь в Турции или Иране. Только «минарет» Ладана был намного выше и массивнее земных, хотя по исполнению этот храм как символ могущества Еурода олицетворял мрачную готику Атлантиды, канувшей в вечность. Земная готика, воплощённая в жутких монументальных строениях Нотр-Дама, чешских, испанских и немецких церквей и крепостей, была лишь тенью атлантской сатанинской геометрии, призванной подавлять волю человека и его мечты о светлом будущем.

В этот день одиннадцатого дефравгуста конунг провёл несколько важных совещаний со своими клевретами и обсудил с генсеком Еурода план подготовки к новой антиросской кампании. Пришлось терпеть высказывания миротворцев, чей Совет предложил не трогать росичей во избежание больших потерь, а потом и убеждать их в необходимости данного мероприятия.

Сделать это удалось не без труда. Не сильно устрасили миротворцев и доводы учёных, утверждавших, что грядущий Передел Мира уничтожит Еурод, в то время как тепуй Роси пострадает немного. Сама жизнь диктовала еуродцам устроить крестовый поход и переселиться на плато Ро-

си. При этом аргумент, хотя бы этого росичи, не имел значения. Это были существа низшего сорта, мнение которых ни еуродцы, ни их предки-атланты не принимали во внимание никогда. Не пугали приспешников конунга и жертвы среди собственного народа, ценой которых могла быть завоевана необходимая территория. Для него народ являлся всего лишь расходным материалом, которым можно было пренебречь.

Перед тем как собраться на благоспешествование – обзор Ладана, – он вызвал к себе во Дворец Высшей Благодати эксперта по вооружениям Сайруса фон Бирлихингема, хотя приближалась полночь. Тем не менее Сайрус, суевликий, малорослый, тощий, лысый (конунг любил окружать себя такими людьми, чтобы выделяться на их фоне), с лицом малолетнего преступника, лицо которого было украшено фиолетовыми родимыми пятнами, явился буквально через зевок хозяина дворца, словно ждал вызова.

Конунг усадил его в неудобное кресло в своём бункере, стены которого были выложены из янтаря, но никаких напитков не предложил.

– Я думал, придётся ждать.

– Я беседовал с главным физиком, – торопливо заговорил Сайрус. – Новые материалы.

– Я чего-то не знаю?

– Он докладывал... тепуй Еуроода раскалывается... недавно откололся нидерландский шельф...

– Да, нам стоит поспешить с денационализацией Роси. Поэтому я тебя и вызвал. Хочу знать наши арсеналы и степень готовности к выступлению. – Конунг с иронией посмотрел на съёжившегося в кресле человечка. – Но прежде чем тыложишь мне о состоянии вооружений, скажи мнение о правдивости наших яйцеголовых.

Конунг имел в виду учёных, изучавших природу Еуроода, и Сайрус его понял.

– Они говорят...

– Я знаю, что они говорят. Тепуй трескается, смещается, разрушается, погружается в болото и скоро утонет. Это по их расчётам. Но правда ли это?

Сайрус несколько раз нервно сжал и разжал кулаки.

– Последние аномалии, особенно с Выдохом Мрака, участились, последний был вчера, как вы помните, и это свидетельство...

– Не уваливай от ответа! – ощерился конунг, от чего лицо владыки Еуроода приобрело зловещий вид. – Я не спрашивал об аномалиях. Не преувеличивают ли твои коллеги? Может быть, не так страшен Мрак, как его малюют? И нам вовсе не надо захватывать Рось?

Сайрус усмехнулся.

– Можно подумать, вы передумаете нападать, если выяснится, что угроза не столь радикальна.

Конунг усмехнулся в ответ.

– Не передумаю, это принципиально. Рось должна быть

уничтожена в любом случае! И чтоб памяти о ней не осталось!

– Увы, владыка, угроза велика.

– Вот этого ответа я и дожидаясь. А не может быть, что все аномалии – землетрусы, болотоходуны, колебания светила и прочие эффекты – суть результаты испытаний росичами какого-то оружия?

– Нет у них такого оружия.

– А мракобой?

– Мракобой – легенда.

– Но ведь геофизическое оружие было применено гиперборейцами во время последней битвы с нашими предками?

– Во-первых, вы хорошо знаете, что это оружие первыми применили наши предки, а гиперборейцы ответили своим комплексом «судного дня». Во-вторых, даже если мракобой существует, то росичи не дураки испытывать его в настоящих условиях, усугубляющих проблемы выживания всего мира.

– В таком случае мракобоем пользуется кто-то ещё помимо росичей. Вдруг его нашли морамерцы?

Сайрус качнул головой. Конунг упомянул жителей ещё одного тепуя – Морамера, где обитали дальние родичи предков-атлантов. По своей криминальной природе это были преступники, осуждённые в Атлантиде за самые разные преступления, но, в отличие от еуродцев, жившие когда-то в резервациях. Даже с предками Еуроода они вели себя агрес-

сивно, хотя и сами еуродцы были такими же генетическими преступниками, а нынче тем более являлись конкурентами в борьбе за выживание.

– Морамерцы ниже нас по развитию...

– Но мракобой они могли просто найти у себя.

– Пошлите туда разведку.

– Уже послал, – расплылся конунг в снисходительной улыбке. – Возможно, и на Клыке Дракона удастся что-нибудь найти помимо хладунов. Мои посланцы ещё и половины крепости не изучили. Но мне всё же кажется, что Выдохи Мрака – дело рук росичей.

– Пошлите разведку.

Конунг снова показал в ухмылке все свои сорок зубов.

– Послал. Кстати об их оружии. Прошлую нашу атаку они отбили, применив какой-то мощный излучатель.

– «Большой глюк», – подтвердил Сайрус. – Психофизический импульсник, создаваемый определённым количеством людей, владеющих глушарами.

– Точнее.

– Примерно сотней. Одномоментный импульс создаёт ударную парализующую волю волну, против которой трудно найти защиту.

– Мы же создали импланты.

– Корковые интерфейсы седьмого¹ уровня. Вам такой им-

¹ В коре головного мозга человека шесть слоёв клеток, имплант создаёт седьмой. (Прим. авт.)

плант не поможет.

– Мне он и не нужен, – похвастался владыка.

– Вы особый случай. Защита вам вшита до рождения через четвёртую группу ДНК...

– Это не важно, – перебил эксперта конунг. – Хотя мне обещали сделать специальный шлем.

– ДНК льва, – автоматически закончил Сайрус.

– Давай о деле!

– Да-да. – Сайрус вспотел, вытащил из внутреннего кармана милитари-кафтана плоский чёрный футляр запоминателя. – Сейчас.

Эти новомодные аппараты появились всего лет пять назад, но уже произвели фурор на территории Еурода, заменив громоздкие памятно-вычислительные машины. В отличие от жителей Роси, избравших в достопамятные времена нетехнологический путь развития социума, еуродцы взяли на вооружение сохранившиеся с войны технологии и за истекшее с момента Сброса время добились успехов в освоении техники. Хотя, если судить по словам переходцев из мира Земли, попадавших сюда через сохранившиеся «порталы запутанности», наука и технологии земного двадцать первого века намного обогнали уровень Еурода. Однако народившаяся социальная система шла тем же путём, что и Атлантида, сочетая в себе разные периоды технологических открытий. Запоминатель Сайруса, по сути, являлся ноутбуком, как земляне называли подобные машины.

Он открыл планшетик, крышка которого превратилась в экран.

– Тектоники предлагают импульсный толкатель. При достаточно мощном разряде вызывает землетрус.

– Какова его точность?

– Что?

– Каков радиус действия?

– От ста до тысячи лиг.

– Тысяча затронет весь тепуй. Нужна точная точечная фокусировка, чтобы землетрус затронул определённый участок земли.

– Насчёт этого вам лучше пообщаться с разработчиками.

– Какого дьявола тогда мне нужен ты?! – взбесился конунг.

Сайрус съёжился ещё больше, лоб его покрылся каплями пота.

– Простите ради Мрака!

– Продолжай, – остыл владыка.

– Достроили два хладоносца, теперь их тринадцать. Всего флот насчитывает семьдесят судов. Из них пятнадцать – линкоры, десять – десантные платформы. Плюс сорок катеров-плоскодонок.

– Дальше.

– Не хватает хладунов. Последние хладоносцы стоят пустыми. Нужно пополнение. На фабрике в Приже на выходе четырнадцать экземпляров, но и этого не хватит.

– Я послал Шульца с командой, чтобы привёз хладунов с Клыка.

– Не хватает также миников. – Сайрус имел в виду стрекоз-ктырей и жуков, представляющих собой летающие гранаты. – Завод остановлен из-за отсутствия боеприпасов.

– Не понял! – нахмурился конунг. – Что значит – нет боеприпасов?!

Сайрус виновато поёжился.

– По заявлению начальника снабжения завода упала добыча углеродного конденсата.

– Саботаж?!

Эксперт облился потом.

– Н-не знаю.

Конунг выдохнул сквозь стиснутые зубы.

– Ну, проклятье, казнию всех! Что у тебя ещё?

Сайрус скороговоркой перечислил виды оружия: ультразвуковые свистелки, автоматы, гранаты, мины, торпеды – называя их количество, и закончил доклад сообщением о подготовке десанта. Преданно и выжидательно посмотрел на патрона.

– Хорошо, – буркнул расслабившийся конунг. – Яйцеголовые обещали разобраться с глушарами.

Сайрус поёрзал, выбирая выражения.

Речь шла о психотронных излучателях росичей, с виду похожих на обыкновенные костяные пестики и бараньи мослы одновременно. Владельцы «костей» каким-то образом стре-

ляли из них пучками тонкой энергии, хотя в самих «костях» никаких энергоёмкостей не было.

– Они говорят, что глушары – всего лишь антенны. А генерируют пучки энергии сами обладатели.

– Почему же мы не можем делать то же самое?

Сайрус молча пожал плечами.

Конунг пожевал губами, вспомнил что-то.

– Правда, что росичи взглядом ломают деревья?

Сайрус криво улыбнулся.

– Чушь лягушачья! Досужие вымыслы. Но они, кажется, научились дистанционно управлять не только птицами, но хладунами и медворами.

– Кажется?

Эксперт смешался.

– Из докладов разведки...

– Мало что кому покажется? Защиту от глушаров сделали?

– По моим сведениям, завершают работу по калибровке.

– Вот это мне понадобится в первую очередь. Что слышно о том русском, что умыкнул дочь воеводы?

– Его зовут Макс...

– Короче!

– Не знаю, Великий! – с трудом выговорил Сайрус.

– Почему?

Сайрус облился потом, обмирая как от удара током.

Конунг подождал ответа, бросил:

– Хорошо, иди.

Эксперт забрал заповинатель, бесшумно исчез.

Конунг посидел немного на своём троне, вспоминая бой с русским переселенцем по имени Макс, снова переживая стыд и гнев одновременно, так как ему пришлось бежать. Потом выпил альдовы, успокоился, переоделся в спальне кабинета в мягкое, приятное коже фибро и в сопровождении двух телохранителей-камикадзе поднялся на самый верх башни дворца. Ночной Ладан лёг перед ним как на ладони, насыщенный светом и плывущими картинами сцен, большинство из которых представляли собой эпизоды интимной жизни еуродцев, картины застолий и отдыха, доступного всем, у кого были средства. Световых переливов было так много, что казалось: перед глазами пылает бесконечный фейерверк. Но в этом передёргивании ярких полотен конунгу внезапно почудилось нечто болезненное и страшное, будто он попал в эпицентр взрыва, разнёсшего весь имперский город на огненные букеты! Вспомнился совет главного стратега Еуроода Черчилка: «Не ходи на Рось! Потеряешь всё!»

– Пошёл на Мрак! – выговорил владыка дрожащим голосом, доставая флягу с настоем эйфорина.

Звякнул колокольчик связуна.

Конунг нехотя вернулся в зал, ткнул пальцем в панель.

– Что надо?

– Гонец, Великий, – сообщил бестелесный голос управлятеля.

– Откуда?

– С Клыка.

Сердце дало сбой.

– Впусти!

Через минуту в зале появился запакованный в переливающийся металлом костюм гонец.

– Великий...

– Короче!

– Мы нашли его!

Конунг нервно потёр ладони.

– Мракобой?

– Так точно. Он охранялся хтоном, но мы нашли выход: ударили хладунами. Шульц собирается отвезти мракобой в Немку.

– Отставить! Сообщите Шульцу: пусть ждёт, я отправляю к нему флот! Пока росичи не узнали о мракобое, мы ударим по Роси и выиграем войну!

– Слушаюсь, Великий!

Гонец склонился к полу и выскочил из зала.

Глава 6

Жена с утра встала не с той ноги, и Александр Александрович Зубрик, известный в кругу друзей как Сан Саныч, отправился на работу в недобром расположении духа, невольно вспомнив поход с Максимом в страну Рось и встречу там, в «перпендикулярной вселенной», с росичскими женщинами. Особенно ему понравилась Любава, дочь воеводы, которая, к сожалению, выбрала друга. Максим так и остался там, в пограничном селении под названием Хлумань, потому что и сам влюбился в росичскую красавицу. Впрочем, никаких претензий к нему Сан Саныч не испытывал, понимая своё положение женатика. Чего уж греха таить, с Леной у него отношения были натянутые уже третий год. Любовь прошла, детей у них не было, но Сан Саныч, человек терпеливый и совестливый, расходиться не спешил. Всё казалось, что жена изменится в лучшую сторону, перестанет пилить его по пустякам и всё наладится.

Однако, судя по нынешнему утру двенадцатого июня, когда она зацепилась за его фразу «Сегодня приду позже, поиграем с ребятами в волейбол» (рост Сан Саныча – метр девяносто пять – позволял ему играть прилично), до улучшения отношений было далеко. И снова перед глазами Александра встала фигурка Любавы потрясающей конституции, как говорил полковник Митин, областной комиссар. Хотя и

подруга Любавы Марфа тоже обладала классной фигурой, а уж как она владела оружием – мечом и копьём, любо-дорого было посмотреть. Сан Саныч убедился в этом в первый же день пребывания в Хлумани, когда ему с Максимом пришлось участвовать в отражении нападения еуродских диверсантов на пограничный пост Роси на берегу болота, которое жители Роси называли Великотопью. Везла друзей на колеснице именно Марфа и показала себя как большой мастер боя.

Александр невольно улыбнулся, вспомнив своё знакомство. Захотелось бросить все дела и махнуть в Рось, хотя сделать это было непросто. Портал перехода в мир гигантского болота, представляющий собой чёрную скалу в центре ведьминой поляны, в свою очередь расположенной в Сещинском лесу, под Брянском, не работал как обыкновенная дверь между двумя помещениями. Открывался он только по какой-то прихоти физического феномена, и угадать этот момент было невозможно. Наверно, именно поэтому о порталах, которых по России было раскидано немало, ни учёные, ни обыватели практически ничего не знали, считая рассказы свидетелей перехода легендами.

Позавтракав, Сан Саныч натянул каждодневную военную форму, сбежал с третьего этажа во двор, пересёк сквер, переждал светофор на улице Тургенева и вышел к зданию районного комиссариата в центре Брянска. Это было место его службы, куда он устроился три года назад после окончания

академии в чине капитана. За эти три года он достиг хороше-го положения и получил звание майора, несмотря на сравни-тельно небольшой стаж службы. Командование области уже готовило Зубрика на смену в губернский комиссариат, оце-нив по достоинству способности молодого военкома.

Двенадцатого сентября была среда, день, свободный от приёма граждан, поэтому Сан Саныч решил посвятить его решению проблем родственников, просивших посодейство-вать переводу девятнадцатилетнего племянника из троснян-ского гарнизона в Дятьково. Это не означало, что он должен был подсунуть кому-то взятку или пойти другим незакон-ным путём, но Сан Саныч мог позвонить коллегам и выяс-нить степень необходимых усилий. Что он и сделал, связав-шись с Тросной, а потом с комиссариатом в Дятьково.

И в это время ему позвонили по мобильному. Гарнитура смартфона последнего поколения позволяла разговаривать с абонентом, не поднимая к уху сам гаджет, и Александр про-сто стукнул пальцем по клипсе смарта.

– Слушаю, Зубрик!

– Александр Александрович, – раздался из клипсы глухо-ватый старческий голос, – здравствуйте. Фёдор Трофимович говорит.

До Сан Саныча не сразу дошло, что за мужик ему звонит.

– Фёдор Трофимович?

– Лещина Фёдор, из Гнилки, если помните.

Заработала память. Деревня Гнилка стояла на краю Се-

щинского леса, где и располагалась ведьмина поляна с чёрным столбом портала. Именно житель деревни Фёдор Трофимович и навёл Максима с товарищами на поляну, откуда они попали в Рось, остаток гиперборейской империи, провалившийся в пространстве и во времени после войны с Атлантидой.

– Да-да, слушаю Фёдор Трофимович.

– Тут такое дело... снова эти объявились.

– Жуажины?! – вырвалось у комиссара.

– Кто?

– Извините, на ум пришло. У вас объявились партизаны, так?

– Да какие оне партизаны? Бандиты! Вы же помните, что они соседа убили. А тут с ранья приехали трое на «Ниве», в камуфляже, бородатые, матерятся, общмонали деревню (слава богу, она пустая), приказали мне вести их к столбу. Хорошо, я сейчас не ходящий, лодыжку порвал на огороде, лежал дома перевязанный. Но я слышал, как оне говорили о переходе и что скоро к им присоединится ещё несколько укров.

– Понятно, это опять беглецы с Украины, не успокоятся никак. В полицию звонили?

– Звонил, обещали приехать, но пока нету никого.

– А нацики где?

– В лес ушли, машину бросили.

– Сыну Юре не звонили?

Микрофон смартфона хрюкнул.

– Юра в больнице, новый ковид подхватил, как его... франсике... йн.

– Штамм «франкенштейн».

– Во-во.

– Сочувствую, коварная болезнь, сильно на мозги действует.

– Говорят, пиндосы специально настроили вирус на поражение русского народа.

– И русских, и белорусов, вообще славян.

– Сволочи поганые!

– Полностью с вами согласен! Я понял вас, Фёдор Трофимович, попробую поднять гвардию на поиски нациков. Может быть, вам стоит уехать из деревни на время?

– Да кому я нужен, – отказался старик. – Отлежусь, подожду полицию. Ко мне волонтеры приезжают раз в три дня, как раз сегодня будут.

– Ладно, будем на связи.

Отключив телефон, Сан Саныч прокрутил в памяти разговор с жителем Гнилки, оставшимся в одиночестве после того, как соседи либо поумирали, либо уехали из деревни, потом сел за компьютер и за полчаса составил план обзвона всех, кто мог бы помочь решить проблемы с «партизанами». На полицию особых надежд не было, поэтому Александр включил в список друзей и знакомых, более подготовленных для подобного рода дел. Он учился в военной акаде-

мии со многими ребятами, ставшими впоследствии офицерами спецназа УВУД и ФСБ, и надеялся, что их заинтересует история с поляной.

* * *

К вечеру удалось дозвониться почти до всех, кого наметил Сан Саныч, но согласились участвовать в походе в Сещинский лес только трое: двое из брянской конторы УФСБ и парнишка из запаса, воевавший в Донбассе и получивший там ранение. С ним Сан Саныч играл в волейбол по средам. Его тоже звали Сашей, и тёзка, узнав причину похода, заявил, что готов гоняться за нациками хоть по всему миру. Сан Саныч его понимал, выслушав не одну жуткую историю про пытки украинскими фашистами бойцов российской армии и мирных дончан.

Вообще-то он рассчитывал уже на следующий день собрать всю гвардию и поехать в Сещу, но ещё двое суток ушло на добычу экипировки и оружия и на переговоры с брянским начальством, чтобы оно отпустило военкома на несколько дней «для лечения души», как выразился сам Александр, намекая на близкий развод с женой. Она не раз заявляла, что не хочет больше терпеть долгие «загулы» мужа и хочет уйти. Разумеется, поделив жилплощадь и всё нажитое за три года совместной жизни.

Впрочем, эта проблема не огорчила Сан Саныча, хотя и

не обрадовала, и когда жена снова завела ту же песню, он не сдержался и сказал:

– Лен, ну решила уйти, так уходи. Вернись из командировки – разберёмся.

– Не буду я ждать! – закричала женщина, бросив на пол бигуди. – Подам на развод сама!

– Подавай, – сказал он сдержанно.

Так он и уехал из Брянска, женатый наполовину.

Из города выехали на двух машинах в семь утра четырнадцатого июня. В кабине белого «Москвича» Сан Саныча поехал тёзка-волейболист, в синей «Ладе-супер», принадлежащей Семененко, расположились чекисты: сам Виктор, капитан, и сержант Женя Шебутнов. Оба служили в областном отделении ФСБ, правда, в разных отделах, и оба собирались в отпуск в Крым, однако соблазнились предложением Сан Саныча полюбоваться на «древнюю Русь», а заодно и защитить жителей Сещинского района от нациков.

Так как все бывшие сокурсники Зубрика уже заявили о себе как офицеры, способные решать сложные задачи, у них, как у самого Сан Саныча, имелись свои приятели и знакомые в отделах снабжения, поэтому им удалось достать и оружие, и прекрасные спальные комплекты десанта, и лесные НЗ с сухпаем. Семененко хотел, конечно, раздобыть в качестве защитной экипировки спецкостюмы типа «ратник» или «гарант», но даже ему в гражданской обороне отказались выдать костюмы по причине их строгой подотчётности. При-

шлось довольствоваться костюмами «горка» белорусского производства, предназначенными для туризма, охоты и рыбалки. Впрочем, костюмы оказались качественными, удобными, и, надев их, будущие «туристы» превратились в особое подразделение какой-то спецслужбы.

До Сещи доехали всего за час. Дорога была хорошая, недавно отремонтированная и ещё не сильно «засаженная» телекамерами ГИБДД. Зашли в местную кафешку под названием «Дубовая роща», плотно позавтракали, чтобы не распечатывать сухпай раньше времени.

Посетителей в кафе было мало, и все с интересом поглядывали на компанию серьёзных малоразговорчивых мужчин в светлом жёлто-сером муаре. Александр даже пожалел, что они натянули костюмы так рано, лучше было бы переодеться уже в Гнилке.

Однако к деревне, где жил Фёдор Трофимович Лещина, они подъехали только через полтора часа. Гнилка давно исчезла с карт района как селение, дорога к ней заросла и заболотилась, поэтому пришлось не раз объезжать наиболее топкие места. Как выражался Саня Павлов – «давать круголя». Но всё же доехали, определив, что перед ними в деревню кто-то приезжал на машине.

Действительно, на околице Гнилки стояла тёмно-зелёная «Нива-Форд», заляпанная грязью до крыши, как оказалось, не закрытая. Номеров у неё не было.

Подъехали, осмотрели авто, выпущенное лет десять на-

зад, заглянули в бардачок и багажник, ничего особенного не обнаружили, не считая рваных тряпок и мусора.

– Бросили, – прокомментировал Семененко, брюнет с ухоженными усиками. В УФСБ он заведовал аналитическим отделом, а до этого два года прослужил в бригаде территориального обеспечения. Именно он и выпросил у своих знакомых пять комплектов «горки».

– Раз они не вернулись, – задумчиво сказал Сан Саныч, – значит им удалось пройти за Грань.

– Куда? – поинтересовался Женя, с виду десятиклассник, худой и нескладный, но прекрасно разбирающийся в оружии, отменный стрелок.

– Так росичи называют границу перехода из России в их мир.

– Я думал, ты всё сочинил.

Александр покачал головой.

– Я считал, ты меня знаешь. Всё реально. Я был там и видел.

– Почему раньше не рассказывал?

– Во-первых, росичи просили не поднимать шума, опасаясь наплыва переселенцев. Во-вторых, вы бы всё равно не поверили. Скажешь, нет? Столько времени прошло с момента битвы наших предков с атлантами, а о связях Роси и России не слышно ничего, кроме мифов. Трудно осознавать, что потомки атлантов и гиперборейцев практически рядом, рукой подать. Надо лишь пойти в нужном направлении.

– Если мы ничего не знаем о Роси, с какого бодуна укры прознали о порталах?

– Корнелий говорил, что мировая складка, где оказалась Рось, преемница Гипербореи, запутана с Землёй, поэтому порталов много, но в большинстве случаев они находятся в недоступных для людей местах.

– На ведьминых полянах?

– Ведьмина поляна как портал – аномалия, я имел в виду горы и моря.

– Кто такой Корнелий?

– Один из случайных попутанцев из России. Живёт в Хлумани уже полвека. Попозже я детально всё обскажу.

– Где это – в Хлумани?

– На обрыве тепуя. Это такая плоская гора размером с Австралию примерно.

Остановились у белёной хаты Фёдора Трофимовича, имевшей вполне жилой вид, в отличие от соседних развалюх.

Старик вышел навстречу в подобии шорт, опираясь на самодельные костыли. Левая штанина его трико была обрезана, видна перебинтованная нога.

Поздоровались.

Трофимович оглядел спутников Сан Саныча, оценил их серьёзность, покивал.

– Очень рад, мужики! Только вот... – Он в нерешительности пошарил глазами по рукам прибывших.

– Что не так? – не понял Александр.

– Вы без оружия?

– Взяли, – улыбнулся Александр, – в машине. Один «калаш», один «Волк», три «Сайги»², холодняк.

– Что-то новое? Я имею в виду «Волк»?

– Крупнокалиберный пистолет, – сказал Шебутнов, – моя награда, подарили на службе за хорошую стрельбу.

– Эт хорошо. Я уж думал, своё ружжо отдам.

– Держите под рукой, – посоветовал Сан Саныч. – А лучше бы вы к сыну переехали.

– Дык куды я перееду? – махнул палкой старикан. – У Юрки своя семья, дети, а у меня тута гарод, картошка, лес.

– Скажите, эти бородатые не возвращались?

– Не, как ушли, так и с концами.

– Странно...

Фёдор Трофимович сморщился.

– Боюсь, оне туды махнули, в енту Рось узорчатую. А ведь наверняка вооружены.

Гости переглянулись.

– Может, и вправду маловато горячего взяли, – сквозь зубы процедил блондин Семененко, имея в виду огнестрельное оружие. Парню пошёл двадцать восьмой год, лет двадцать из них он занимался боксом и выглядел внушительно.

– На территории Роси не пользуются огнестрелами, – сказал Сан Саныч.

² «Сайга» – охотничье оружие, в данном случае – нарезной карабин калибра 5,45 мм. (Прим. авт.)

– Зато пользуются тут.

– Ничего, надо будет, подкинут из Брянска. Да и в полицию можно будет заявить. Ну что, потопали?

– Не заблудитесь? – спросил Фёдор Трофимович. – Я вас не смогу проводить.

– Я помню дорогу.

– Помнишь-то помнишь, да ведь это ведьмина поляна, даже я могу не раз промахнуться.

– Найдём, дедуля, не беспокойся, – сказал Шебутнов. – Мы все охотники, спасибо, береги себя.

– Если что, мы позвоним, – добавил Александр, – а то и вернёмся. Держите мобильный, как и ружьё, под рукой.

– Лады, – пообещал Фёдор Трофимович.

Оставили машины во дворе дома, накрыв их старой соломой, найденной в сарае. В лес отправились в половине первого. Зелёный полог сомкнулся над головами отряда, изредка протаивая небесной голубизной. Начало осени в этом году выдалось комфортным по всем параметрам: дождей не было, но и температура воздуха не поднималась выше двадцати пяти градусов. Поэтому никакой духоты в лесу не ощущалось, парни расслабились и с удовольствием вдыхали лесные запахи, в которых преобладали ароматы хвои, листвы и ягодников – пошла морошка. Прокудин на ходу сорвал несколько крупных жёлтых ягод.

Дорожка, некогда пересекавшая весь лес до районного центра, сначала была видна хорошо, но через километр юрк-

нула в кустарниковые кущи, идти стало труднее.

– Интересно, грибы тут водятся? – спросил Шебутнов, ворочая головой.

– Ты грибник? – поинтересовался Семененко.

– Нет, так спросил. Но жареные грибы люблю.

Посмеялись.

– Кота не хватает, – посетовал Сан Саныч, когда они остановились на отдых, пройдя два километра.

– Какого кота? – не понял Женя, сняв зелёную кепку-бейсболку и вытирая вспотевшую голову платком.

– Прошлой осенью нас вывел к поляне рыжий котяра Макса, я рассказывал про него. Но и Макс, и кот остались в Хлумани.

– Неужели этот зверь может быть проводником? – усомнился молчаливый Саша Павлов. – Коты вообще-то домашние животные.

– Максов Рыжий всем котам кот, он даже разговаривает.

– Да ладно, не рассказывай сказки.

– Повезёт, я вас познакомлю, убедитесь.

Потопали дальше и совершенно неожиданно вышли к поляне, посреди которой высился чёрный камень причудливой формы.

– Китайский городской! – пробормотал ошеломлённый Семененко. – Надо же, как повезло! Не думал, что мы дойдём без блужданий.

– Если честно, не верил, – признался Павлов, – что это

правда. Хотя читал когда-то, что в Румынии найден необычный камень – якобы живой.

– Как это – живой? – не понял Шебутнов.

– Какие-то уникальные минеральные структуры, с виду похожи на серые пузыри. А на их поверхности появляются более мелкие пузыри. Такое впечатление, что камни растут, как деревья.

– Тут совсем другое дело.

– Вижу, и пузырей нет. Но если мы нашли эту каменюку всего за час, то и другие могли.

– В том-то и дело, – сказал Александр, – что ведьмина поляна не даёт всем желающим пройти к порталу легко. Мы в своё время тоже изрядно поплутали.

– Так это и есть портал? – спросил Семененко, разглядывая камень высотой в полтора человеческих роста.

– Как видишь.

– Красавец! – Виктор пошёл через поляну по густой траве ему в пояс.

– Не спеши, торопыга! – остудил его Александр. – До нас тут побывала тройца в камуфляже, не дай бог – прячется где-то!

Замерли, приготовив оружие.

Сан Саныч тоже снял с плеча ремень «Сайги», внимательно осматривая заросли.

Постояли так минуту, вслушиваясь в лесную тишину, и услышали треск валежника под чьей-то ногой.

Опытный Шебутнов вскинул вверх сжатый кулак, стволом карабина указал на кусты погуще.

Отступили за разлапистые ели под сень зарослей лещины и ольхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.